

Эдмон ЛЕПЕЛЛЕТЬЕ

КАПИТАН НАПОЛЕОН

Эдмон Лепеллетье
Капитан Наполеон (сборник)
Серия «Мадам де Сан-
Жен, или Тайна Наполеона»
Серия «Серия исторических романов»

Издательский EPUB
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19205149
Капитан Наполеон: Вече; М.; 2016

Аннотация

1792 год. Пока чудовище французской революции готовится нанести самый решительный удар по королевской власти, шарлатаны и гадалки уже предсказывают судьбу прачкам и священникам, мечтающим стать герцогинями и министрами полиции. Скоро во всю мощь заработает национальная бритва – гильотина, и страну охватит кровавый террор.

В это смутное время в Париже появляется маленький человек, над именем которого все подшучивают. Но настанет день, когда имя его встанет в один ряд с именами великих императоров и завоевателей, заставив содрогнуться всю Европу. Человека этого зовут Наполеон Бонапарт.

Содержание

Об авторе	5
Капитан Наполеон	9
I	9
II	17
III	27
IV	36
V	52
VI	57
VII	69
VIII	81
IX	90
X	105
XI	118
Путь к славе	126
I	126
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Эдмон Лепеллетье

Капитан Наполеон

© ООО «Издательство «Вече», 2014

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

Сайт издательства www.veche.ru

Об авторе

Французский писатель, журналист и политический деятель Эдмон Адольф Лепеллетье родился в Париже 26 июня 1846 года. Он получил среднее классическое образование в лицее Бонапарта, потом окончил юридический факультет Сорбонны, однако адвокатской практикой не занимался, переключив свои интересы на журналистику. Лепеллетье семнадцать раз дрался на дуэлях, был ранен, и только благодаря умелому и своевременному вмешательству хирурга Пеана не остался калекой.

Его журналистский дебют состоялся в 1867 году. В конце имперского периода французской истории будущий романист был осужден за нападки на барона Османа, префекта департамента Сены, «преобразователя» родной столицы. Во время заключения в тюрьме Сент-Пелажи Лепеллетье познакомился со многими из будущих коммунаров, в частности с Делеклюзом, Раулем Риго и писателем Жюлем Валлесом. Во время войны с Пруссией Эдмон как пламенный журналист-патриот вступил во французскую действующую армию и участвовал в защите Парижа. После провозглашения Парижской коммуны Лепеллетье становится членом Государственного совета, что приводит к новому аресту после разгрома революционного правительства. Правда, новый арест был кратковременным, поскольку выяснилось, что комму-

нарская деятельность писателя была незначительной.

В 70-е годы Лепеллетье обращается к художественной прозе и публикует несколько романов, которые благодаря живому стилю автора пользовались немалым успехом: «Капитан Анго» (1875), «Собака комиссара» (1876), «Иван-нигилист» (1880), «Фанфан-Тюльпан» (1897–1898), «Любовные похождения Дон Жуана» (1898) и др. Многие романы писатель создавал на основе сюжетов популярных драматических произведений. Наибольший успех выпал на долю цикла исторических романов из времен Великой французской революции, Консульства и наполеоновской империи «Мадам Сан-Жен», написанного по мотивам одноименной пьесы известного драматурга Викторьена Сарду. Лепеллетье увлекался поэзией, писал стихи. Еще со времен учебы в лицее он дружил со знаменитым поэтом Полем Верленом, после смерти которого принял на себя заботу о его семье и написал одну из лучших биографий поэта: «Поль Верлен, его жизнь и творчество» (1907).

В своей журналистской деятельности Лепеллетье долгое время придерживался радикальных взглядов, но со временем он перешел на более умеренные позиции. Тем не менее почти до конца своих дней писатель работал над историей Парижской коммуны, в которой пытался доказать решающую роль восстания 1871 года в установлении Третьей республики во Франции. Лепеллетье был одним из самых активных пропагандистов масонства во Франции. В 1882 году

он основал собственную ложу под названием «Права человека», которая стала одной из наиболее значительных в стране. В 1888 году писатель получает орден Почетного легиона, а в следующем году, после пламенного выступления за объединение республиканских сил, Лепеллетье был избран на пост мирового судьи в кантоне Марли, в этой должности он продержался десять лет. Дважды, в 1889 и 1893 гг., писатель пытался стать депутатом, но проигрывал на выборах. Порвав с масонством и прежними политическими друзьями, решительно выступая против пересмотра дела Дрейфуса, в мае 1902 года романист наконец становится членом парламента (палата депутатов Национальной ассамблеи) от партии национал-республиканцев. В парламенте Лепеллетье заседал четыре года, не проявив себя ничем особо выдающимся. На выборах 1906 года он потерпел сокрушительное поражение. Умер Эдмон Лепеллетье 22 июля 1913 года в Вителе (департамент Вогезы). Сын писателя, Сен-Жорж де Буэль, продолжил литературную карьеру отца и в начале XX века снискал славу талантливого драматурга.

Избранная библиография Э. Лепеллетье:

Серия «Мадам де Сан-Жен, или Тайна Наполеона»

(*Madame Sans-Gêne*, 1894–1895; *Les Trahisons de Marie-Louise*, 1895–1896; *Martyr des Anglais*, 1898–1899):

1. «Капитан Наполеон»
2. «Путь к славе»

3. «Тайна Наполеона»
4. «Прачка-герцогиня»
5. «Римский король»
6. «Коварство Марии-Луизы»
7. «Фаворитка Наполеона»
8. «Шпион императора»
9. «Мученик англичан»
10. «Наследник великой Франции»

Капитан Наполеон

I

На улице Бонди в Париже горящие и коптящие лампы освещали вход в народный зал «Во-Галь». Этот зал с таким экзотическим названием находился под управлением гражданина Жоли, артиста театра «Дез'Ар». Это было в знаменательные дни июля 1792 года. Людвик XVI номинально еще сохранял королевский титул, но его голова, украшенная 20 июня фригийским колпаком, уже начинала пошатываться на плечах. В предместьях революционная гидра уже поднимала с ворчанием голову. Робеспьер, Марат и красавец марселец Барбару провели тайное совещание; правда, на нем не удалось прийти к соглашению относительно выбора главного вожака, диктатора, как того хотел «Друг народа»¹, но было решено нанести окончательный удар королевской власти, которая укрывалась, словно в крепости, во дворце Тюильри. Ожидали только прибытия марсельских батальонов, чтобы дать сигнал к восстанию. Со своей стороны, прусский король и австрийский император собирались броситься на

¹ «Другом народа» прозвали в Великую французскую революцию неистового Марата по названию газеты, издаваемой им.

Францию, которая казалась им легкой добычей; они рассчитывали на предательство и внутренние раздоры, благодаря чему было бы легко довести армию быстрым маршем до столицы.

Герцог Брауншвейгский, генералиссимус имперских и королевских войск, издал в Кобленце свой знаменитый манифест, в котором с высокомерием объявил:

«Если Тюильрийский дворец будет разгромлен или подвергнется нападению, если будет учинено хоть малейшее насилие, нанесено хоть малейшее оскорбление их величествам королю Людовику XVI и королеве Марии Антуанетте или кому-либо из членов королевского дома, если немедленно не будут приняты меры к обеспечению их безопасности, неприкосновенности и свободы, то император и король отомстят за обиду так, что это останется памятным во веки веков; город Париж будет предан разгрому войсками и полному уничтожению, а бунтовщики, виновные в преступлении, понесут тяжкие, заслуженные ими муки».

Париж ответил на этот грубый вызов восстанием 10 августа.

Но Париж постоянно является вулканом с двух кратерах: веселье перемешивается у него с яростью. В предместьях вооружались, в клубах шли горячие прения, в коммуне раздавали патроны патриотически настроенным солдатам национальной гвардии; но это не влияло на жажду удовольствий и любовь к танцам, и во времена революции плясали особенно

много.

На свежих развалинах Бастилии, наконец-то разрушенной, водрузили вывеску с надписью: «Здесь танцуют». И это было совсем не насмешкой. Самым приятным употреблением этого на редкость мрачного и весьма унылого места, где в течение многих веков страдали несчастные жертвы произвола, было огласить его звуками скрипок. Веселые крики заменили унылые стоны сов, и это тоже было своего рода способом отметить исчезновение прежнего строя.

Революция совершилась под пение «Марсельезы» и под пляску «Карманьолы».

Перечисление всех общественных балов в Париже заняло бы целую страницу: танцевали в отеле «Д'Алигер», на улице Орлеан-Сент-Оноре; в отеле «Бирон», в павильоне Гановера; в павильоне Лэкишье, в отеле «Де Лонгвиль», на улице Филь-Сен-Томас, в «Модести», на балу Калипсо, в Монмартрском предместье у Поршерон и, наконец, в «Во-Гале», на улице Бонди, куда мы теперь и поведем читателя.

Как и костюмы, танцы прежнего режима перемешались с новыми фигурами: за благородными паваной, менуэтом и гавотом следовали трениц, ригодон, монако и пользовавшийся особенной популярностью фрикасе.

В один из летних вечеров 1792 года в большом зале «Во-Гале» собралась громадная толпа и царило оживленное веселье. Дамы были молоды, игривы и хорошо сложены, а танцоры – полны огня и увлечены. В толпе можно было встре-

тить самые разнообразные костюмы. Короткие панталоны при чулках, парик и костюм «а-ля франсэз» соперничали в грации во время второй фигуры кадрили с революционными брюками. Заметим, кстати, что кличка «санкюлот»², которую дали патриотам, абсолютно не обозначала собой того, что они были лишены этой части костюма, предназначенной закрывать ноги; наоборот – революционные ноги были более закрыты, чем дореволюционные: граждане удлиннили одежду и носили теперь не панталоны, а брюки. Повсюду сверкало множество мундиров. Масса национальных гвардейцев, одетых в походную форму и готовых по первому призыву барабана броситься вон из зала, танцевала танец трона или водила хоровод революции.

Среди гвардейцев, разгуливавших с победоносным видом и горделиво выпячивавших грудь, проходя мимо красивых девушек, обращал на себя внимание высокий подвижный юноша с чертами лица одновременно и энергичными, и нежными; он был одет в кокетливый мундир французской гвардии с двухцветной кокардой парижского муниципалитета. На рукаве серебряный галун обозначал его чин сержанта в отставке, каковой имело и большинство его товарищей, перешедших на службу городу после отставки от действительной службы во французской армии. Сержант ходил по пятам за крепкой, аппетитной молодой девицей с честным взглядом голубых глаз и разбитными манерами. Последняя иро-

² «Санкюлот» (*фр.* sans-culotte) – «голоштанник».

нически поглядывала на красивого гвардейца, который не решался подойти к ней, несмотря на подзуживания товарищей.

– Да ну же, Лефевр, – прошептал один из гвардейцев, – смелей! Крепость не из неприступных!

– Да и по всем признакам эта крепость уже познакомилась с атаками и получила от них здоровую брешь! – прибавил другой.

– Если ты не решишься пойти на приступ, то я попытаю счастья! – заметил третий.

– Ты ведь отлично видишь, что она глаз с тебя не спускает! Сейчас будут танцевать фрикасе. Пригласи же ее! – снова сказал первый, подбадривая сержанта Лефевра.

Последний остановился в нерешительности; он никак не мог набраться храбрости, чтобы пристать к этой хорошенькой, свеженькой бабенке, которая, однако, нисколько не казалась смущенной, да и вообще не производила впечатления застенчивой особы.

– Ты думаешь, Бернадотт? – ответил Лефевр тому из сержантов, который больше всего поддразнивал его. – Черт возьми! Французский солдат никогда не отступает ни перед неприятелем, ни перед красавицей... Рискну пойти на приступ!

Сержант Лефевр отделился от группы товарищей и прямо направился к красавице, глаза которой загорелись гневом и которая собиралась на славу встретить его, услышав не осо-

бенно-то почтительные отзывы военных на свой счет.

– Постой, милая, – сказала она своей соседке, – я покажу этому гвардейскому отрепью, знакома ли я с атаками и может ли кто-нибудь потрепать меня!

Она вытянулась, уперлась кулаками в бока и с горящими глазами поджидала врага, равно готовая как к отпору, так и к нападению.

Сержант подумал, что дело важнее слов. Протянув руки, он обхватил девушку за талию и попытался поцеловать ее в шею, говоря:

– Не пожелаете ли станцевать со мной фрикасе?

Но проказница была очень ловка и проворна. В одно мгновение она вывернулась из его рук, отскочила, затем замахнулась и запечатлела на его лице здоровую пощечину, воскликнув без всякой злобы, а скорее весело:

– Получай, нахал, вот тебе и фрикасе!

Сержант отскочил назад, потер щеку, которая стала темно-красного цвета, и, поднеся правую руку к треуголке, вежливо сказал:

– Извините!

– Ничего, ничего! Пусть это послужит вам уроком... В другой раз будете осмотрительнее и станете разбирать, на кого наскакиваете! – ответила девушка, у которой, казалось, уже прошел весь гнев, а затем, повернувшись к подруге, сказала вполголоса: – Он очень недурен, этот гвардеец!

Тем временем Бернадотт, с завистью смотревший на то,

как товарищ подходил к красивой девушке, и очень довольный оборотом, который приняло дело, подошел к нему, взял его под руку и сказал:

– Пойдем с нами... Сам видишь, что с тобой не желают танцевать. Да и барышня-то, пожалуй, даже и не умеет танцевать фрикасе.

– Вас-то кто просит соваться сюда? – быстро парировала бойкая девушка. – Я умею танцевать фрикасе и буду танцевать его с кем мне захочется... только уж не с вами, нет! Но если ваш товарищ пожелает вежливо пригласить меня... ну, что же, я с удовольствием попляшу с ним. Забудем то, что произошло между нами, сержант?

И эта веселая, добросердечная девушка, вся во власти момента, искренне протянула Лефевру руку.

– О, конечно, забудем, – произнес Лефевр, – забудем! Еще раз прошу простить меня. В том, что только что произошло, видите ли, отчасти виноваты товарищи. Бернадотт, вот этот самый, подзудил меня. О, я получил только то, что вполне заслуживал!

Девушка перебила его посреди этих извинений, спросив:

– Скажите-ка, судя по вашему выговору, можно подумать, что вы эльзасец?

– Я родом из верхнерейнских областей! Из Руфффаха!

– Черт возьми! Вот совпадение. А я – из Сент-Амарена.

– Так вы моя землячка!

– А вы мой земляк. Вот как привелось встретиться, а?

– А как зовут вас?

– Екатерина Юпшэ. Я прачка с улицы Рояль-Сен-Рок.

– А меня зовут Лефевром; я сержант гвардии в отставке, ныне в милиции.

– Ну ладно, земляк! Потом, если вы пожелаете, мы познакомимся поближе, а сейчас нас ждет фрикасе! – И, взяв его без всяких церемоний за руку, Екатерина увлекла его в водоворот танцующих.

Танцуя, они пронеслись мимо молодого человека с бледным, почти болезненным лицом, с длинными волосами, ниспадавшими на собачьи уши, с хитрой и осторожной миной; его широкая поддевка казалась скорей рясой.

При виде танцующей парочки он пробормотал:

– Ба! Вот и Екатерина! Она танцует с гвардейцем!

– Вы знаете эту Екатерину? – спросил Бернадотт, услышавший его слова.

– О, имею честь знать ее доподлинно! – ответил молодой человек духовного склада. – Это моя прачка. Славная девушка, работающая, опрятная и добродетельная. Говорит все, что думает, а язык у нее болтается, что у колокола! За ее откровенность и прямоту ее во всем квартале зовут мадемуазель Сан-Жен – бесцеремонная.

Оркестр заиграл еще громче, и продолжение разговора потерялось в веселом шуме и топоте ног, отплясывающих фрикасе.

II

После танца сержант Лефевр отвел свою землячку Екатерину на место. Теперь между ними царил полнейший мир. Они разговаривали, словно были знакомы тысячу лет, и шли под руку, словно влюбленная парочка. Чтобы окончательно закрепить мир, Лефевр предложил своей даме освежиться напитками.

– Отлично! – ответила Екатерина. – О, я не умею жеманничать... вы мне кажетесь славным парнем, и я не хочу ответить отказом на вашу любезность, тем более что фрикасе вызывает порядочную жажду. Присядем здесь!

Они присели за один из столиков, расставленных в зале. Лефевр был в полном восхищении от оборота, который приняло это знакомство. Тем не менее, прежде чем сесть, он явно выказал сильное колебание.

– Что с вами? – резко спросила Екатерина.

– Да вот, видите ли, барышня: как в гвардии, так и в милиции у нас не в обычае разбивать компанию, – ответил он с легким смущением.

– А! Понимаю! Ваши товарищи. Ну, так что же, пригласите и их! Если хотите я позову их. – И, не дожидаясь его согласия, Екатерина поднялась, встала на деревянную, выкрашенную в зеленый цвет скамейку, стоявшую у стола, и, сложив руки рупором, окликнула трех гвардейцев, которые не

без насмешки во взгляде следили издали за парочкой. – Эй, ребята, – крикнула она, – идите сюда! Здесь вас не съедят! А если вы ограничитесь тем, что будете смотреть, как пьют другие, то у вас типун на языке вскочит!

Трое гвардейцев не стали ломаться и приняли это фамильярное приглашение; только четвертый из них не тронулся с места.

– А что же ты, Бернадотт? – спросил один из гвардейцев сержанта, оставшегося на месте.

– Я разговариваю с гражданином, – с раздражением ответил Бернадотт, завидовавший всякому успеху товарища.

Раздраженный тем, что ухаживания Лефевра за красивой прачкой увенчались успехом, он хотел остаться вдали, при-
творяясь, будто поглощен разговором с молодым человеком в поддевке.

– О, гражданин не будет лишним за нашим столом! – крикнула Екатерина. – Я знаю его. Да и он меня – тоже. Раз-
ве не правда, гражданин Фушэ?

Молодой человек, названный так, подошел к столу, где Лефевр уже заказал горячего вина с пышками, и, здороваясь, сказал:

– Раз мамзель Екатерина этого хочет, что же, сядем! Я в восторге, что буду в обществе бдительных стражей города!

Четверо гвардейцев и штатский, которого называли Фушэ, присели и, наполнив стаканы, все принялись пить.

Екатерина и Лефевр, которые уже позволяли по отноше-

нию друг к другу галантные вольности, пили по очереди из одного стакана.

Лефевр набрался смелости и захотел сорвать поцелуй. Но Екатерина воспротивилась этому.

– Ну, уж это дудки, земляк! – сказала она. – Я с удовольствием пошучу и посмеюсь, но не больше!

– Вы не ожидали найти добродетель у прачки, сержант? – сказал Фушэ. – Да, знаете ли, с мадемуазель Сан-Жен³ каши не сварить!

– Ну скажите, гражданин Фушэ, – оживленно подхватила Екатерина, – вы меня знаете, потому что я стираю ваше белье с тех пор, как три месяца тому назад вы приехали из Нанта. Разве можно что-нибудь сказать на мой счет?

– Нет! Ничего... абсолютно ничего!

– Я не прочь пошутить, вот как сейчас, сплясать фрикасе, даже чокнуться со славными людьми, какими вы кажетесь мне, но ни один мужчина, ни один, не только в моем квартале, но и вообще на свете не может похвастаться, что ему удалось перешагнуть порог моей комнаты. Ну, моя мастерская открыта для всего света, что же касается моей комнаты, то ключ от нее получит только один-единственный человек...

– Ну а кто же будет этим счастливчиком? – спросил Лефевр, покручивая усы.

– Мой муж! – гордо ответила Екатерина, а затем, чокнувшись с Лефевром, смеясь прибавила: – Теперь вы предупре-

³ Мадемуазель Сан-Жен (фр. Sans-Gêne) – мадемуазель «Бесцеремонность».

ждены, земляк! Что вы скажете на это?

– Скажу, что это, быть может, окажется совсем не так уж неприятно, – ответил сержант, теребя свои усы. – Там видно будет... За ваше здоровье, мадемуазель Сан-Жен!

– За ваше здоровье, гражданин! В ожидании вашего предложения...

И оба они принялись весело прихлебывать вино, посмеиваясь над этими откровенными признаниями.

В этот момент среди столиков показался какой-то странный человек, одетый в остроконечную шапку, в длинное черное платье, усеянное серебряными звездами вперемешку с перекрещивающимися голубыми лунами и кометами с пунцовыми хвостами.

– А, вот и Фортунатус! – крикнул Бернадотт. – Это колдун! Кто хочет узнать свое будущее?

В те времена у каждого бального помещения имелся свой колдун или гадалка, которые предсказывали будущее и угадывали прошедшее всего за пять су.

В эпоху великих переворотов того времени, в такую эпоху, как канун 10 августа 1792 года, когда целому общественному строю приходилось исчезать, уступая место внезапно надвинувшемуся новому миру, в быстрой смене условий жизни неминуемо должна была развиться сильная вера в чудеса. Калиостро со своим графином, Месмер со своим чаном вскружили немало аристократических голов, а народное легководерие довольствовалось уличными ворожеями и астроло-

гами.

Екатерине захотелось узнать свое будущее. Ей казалось, что встреча с красивым сержантом должна будет внести какую-то перемену в ее жизнь.

В тот самый момент, когда она попросила Лефевра позвать Фортунатуса и спросить его о ее судьбе, колдун подошел к группе из трех молодых людей, сидевших за соседним столом.

– Послушаем-ка, что он скажет им, – заметила Екатерина вполголоса, указывая головой на соседей.

– Я знаю одного из них, – сказал Бернадотт, – его зовут Андош Жюно. Он бургундец. Я встречался с ним, когда он служил волонтером в батальоне Кот д'Ор.

– Второй – это аристократ, – сказал Лефевр, – его зовут Пьер де Мармон. Это тоже бургундец, он из Шатийона.

– Ну а третий? – спросил Фушэ. – Кто этот молодой человек, такой сухой, с лицом почти оливкового цвета, с такими впалыми глазами? Мне кажется, что я уже видел его где-то... но где?

– Вероятно, в моей прачечной, – сказала Екатерина, слегка краснея. – Это артиллерийский офицер в отставке... он ищет места. Он квартировал около меня в гостинице «Патриотов», на улице Рояль-Сен-Рок.

– Он корсиканец? – спросил Фушэ. – Они все селятся в этой гостинице. У этого вашего клиента еще такое странное имя. Постойте-ка: Берна... Буна... Бина... нет, не так! – ста-

рался он припомнить имя, ускользнувшее из его памяти.

– Бонапарт! – сказала Екатерина.

– Да, да, именно. Бонапарт... Тимoleon, кажется?

– Наполеон! – поправила его Екатерина. – Это очень ученый человек, внушающий уважение всем, кто его видит.

– У него такое отвратительное имя, у этого Тимode... Наполеона Бонапарта... и такая печальная физиономия! Ну, вряд ли он когда-нибудь добьется чего-либо! Такого имени даже и не запомнишь! – проворчал Фушэ, а затем прибавил: – Однако внимание! Колдун уже говорит им. Но что он может предсказать?

Молодые люди замолчали и стали прислушиваться, а Екатерина, вдруг ставшая очень серьезной, настроенная несколько мистически благодаря близости чародея, шепнула Лефевру на ухо:

– Я очень хотела бы, чтобы он предсказал много счастья Бонапарту. Это такой достойный молодой человек! Он поддерживает четырех братьев и сестер. А он далеко не богат, настолько, что, видите ли, я никак не могу решиться представить ему счет. А он мне много должен за стирку белья! – прибавила она с легким вздохом встревоженного коммерсанта.

Тем временем Фортунатус, покачивая остроконечной шапочкой, важно рассматривал руку молодого человека, которого Бернадотт назвал Жюно.

– Твоя карьера, – замогильным голосом начал он, – будет

блестящей и удачной. Ты станешь другом великого человека. Ты будешь спутником его славы. Твою главу увенчает герцогская корона... ты будешь победителем на юге.

– Браво! В настоящий момент я сижу на половинном пайке! Ты обещаешь утешительные вещи, друг! Но скажи мне, какой смертью умру я после такого счастья? – воскликнул Жюно.

– Ты умрешь в сумасшествии! – мрачно произнес колдун.

– Черт! Начало твоего пророчества гораздо приятнее конца! – смеясь, сказал второй, которого Бернадотт назвал Мармоном. – Ну, а мне ты тоже предскажешь сумасшествие?

– Нет! Ты будешь жить на несчастье родины и на позор себе. После существования, полного славы и счастья, ты изменишь своему повелителю, станешь предателем своей родины, и твое имя получит печальную известность Иуды Искариотского!

– Ну ты не очень-то щадишь меня в своих предсказаниях! – с громким смехом воскликнул Мармон. – Ну, а что ты предскажешь нашему товарищу?

С этими словами он указал на молодого артиллерийского офицера, к которому Екатерина питала столько участия.

Но тот резко отдернул руку и сказал суровым тоном:

– Я не желаю знать будущее. Я сам знаю его. – Он простер руку по направлению к небу, кусочек которого виднелся сквозь забор из дранок, окружавший садик «Во-Галя», и сказал дрожащим голосом: – Видите вы там звезду? Нет, не

правда ли? Ну а я вот вижу ее; это – моя звезда!

Чародей отошел от их стола.

Екатерина знаком подозвала его; он подошел к компании и сказал, глядя на двоих гвардейцев:

– Пользуйтесь вашей молодостью... ваши дни сочтены!

– А где мы умрем? – спросил один из тех, которым было суждено умереть за свободу десятого августа среди прочих героев, расстрелянных швейцарской лейб-гвардией.

– На ступенях дворца!

– О, как это величественно! – воскликнул Бернадотт. – А мне ты тоже собираешься предсказать трагическую смерть... с дворцом?

– Нет, твоя смерть будет очень тихой. Ты воссядешь на трон, и после того как отречешься от своего знамени и победишь прежних товарищей по оружию, ты опочиешь в далекой, обширной гробнице около ледяного моря...

– Но если товарищи все разберут себе, то что же останется для меня? – спросил Лефевр.

– Ты, – сказал Фортунатус, – женишься на той, которую полюбишь, ты будешь командовать громадной армией, и твое имя постоянно будет синонимом храбрости и порядочности!

– Ну а мне что вы скажете, гражданин колдун! – пролепетала Екатерина, почувствовавшая невольную робость, что, наверное, случилось с ней в первый раз в жизни.

– Вы, барышня, станете женой того, кого полюбите... и

будете герцогиней!

— Значит, в таком случае мне тоже надо стать герцогом! Генерала с меня не хватит? — весело спросил Лефевр. — Эй, колдун! Докончи же свои предсказания, скажи мне, что я женоюсь на Екатерине и что мы с ней станем герцогом и герцогиней!

Но Фортунатус медленно пошел прочь, не обращая внимания ни на смех молодых людей, ни на любопытные взгляды женщин.

— Однако! — сказал Фушэ. — Этот колдун очень изобретателен. Вам он предсказал самые высшие должности и отличия, а мне не сказал ничего. Значит, я никогда не стану важной особой?

— Да вы уже были священником, — сказала Екатерина, — кем же вы еще хотите стать?

— Я был просто проповедником, моя милая, а в настоящее время я просто патриот, враг тиранов. Кем я хотел бы стать? О, это так просто! Министром полиции!

— Вы, может быть, и станете им. Вы так хитры, так умеете держаться в курсе всего происходящего, всего, что говорят, гражданин Фушэ! — отрезала Екатерина.

— Да, я стану министром полиции, когда вы будете герцогиней! — ответил Фушэ с какой-то странной улыбкой, которая на минуту осветила его печальное лицо и смягчила кунный профиль.

Бал кончился. Четверо молодых людей встали и ушли, по-

смеиваясь над колдуном и его колдовством.

Екатерина приняла руку Лефевра, который получил разрешение проводить ее до дверей прачечной.

Впереди их шли трое соседей по столу. Наполеон Бонапарт важно и медлительно шел в стороне от своих друзей, Жюно и Мармона; время от времени он вскидывал голову кверху, всматриваясь в голубой свод неба, словно отыскивая там ту звезду, о которой он говорил и которая была видна только ему одному.

III

10 августа 1792 года приходилось на пятницу. Ночь с девятого на десятое была очень теплой, звездной, ясной. До самой полуночи луна заливала холодными лучами город, который внешне казался вполне спокойным, мирным, заснувшим. Но, несмотря на это, вот уже две недели как Париж засыпал только на один глаз, с оружием в руках, готовый воспрянуть по первому призыву.

С того вечера, как Лефевр встретился с прачкой Екатериной в «Во-Гале», город кипел, как в котле. Словно в гигантской печи, все ярче и ярче разгорался огонь революции. Явились марсельцы и заполнили все улицы, все клубы своим пылом, своим жгучим, как солнце юга, патриотизмом, своим воинственным подъемом. Эхо разносило звуки бессмертного гимна Рейнской армии, вырвавшегося из глубины гениальной души и вдохновенного сердца Руже де Лилия. Марсельцы научили этому гимну парижан, которые, вместо того чтобы дать ему, ставшему навсегда национальной песней, название «ла Франсэз», великодушно окрестили «Марсельезой».

Двор и народ открыто готовились к бою. Двор забаррикадировал Тюильрийский дворец, поставил там гарнизон из швейцарцев и созывал фанатиков из аристократов, которых после октябрьского банкета, когда национальные кокарды

срывались ими и бросались на пол, прозвали «рыцарями кинжала».

День 10 августа был полной победой революции и фактическим наступлением республики, так как 22 сентября 1792 года было только объявлено и узаконено то, что было добыто 10 августа. И между тем никто не может похвастаться, что это именно он организовал и руководил движением народных масс. Дантон спал у Камила Дюмулена, когда пришли пригласить его в коммуну. Марат прятался у себя в погребе. Робеспьер держался в стороне: он был избран в члены коммуны только на следующий день, 11 августа. Барбару отклонил честь повести в бой марсельцев, а Сантер, великий агитатор предместья Сент-Антуан, участвовал в сражении только в середине дня. 10 августа в анонимном восстании, в сражении без руководителя, главнокомандующим и героем был весь народ.

Все началось только после полуночи, в ночь с девятого на десятое августа.

Эмиссары сорока семи секций, требовавших гибели роялизма, безмолвно обходили улицы и из двери в дверь передавали приказ:

– К оружию, как только послышатся звуки набатного колокола и бой барабанов!

Около часа ночи во многих церквах колокола забили набат. Колокол церкви Сен-Жермен-л'Оксеруа, когда-то призывавший к резне Варфоломеевской ночи, зазвонил тризну

по монархии. К этому мрачному звону вскоре присоединился грохот барабанов, забивших тревогу; Париж проснулся и, протирая глаза, взялся за оружие.

Луна зашла, город потонул во мраке, но во всех окнах один за другим зажигались огни. В этой внезапной иллюминации было что-то мрачное, трагическое. Это была искусственная заря того дня, когда дым сражений, копоть пожаров и кровавые испарения заставили потускнеть солнце.

Улицы просыпались, и двери одна за другой распахивались. На порогах показывались вооруженные люди. Они всматривались во тьму, прислушивались, поджидая появления старшего их секции, чтобы стать в ряды, и глядели, как над крышами занимался день.

Слышался грохот ружейных прикладов по мостовой. В переулках и во дворах стоял треск барабанов, металлический звук от штыков, прочность которых испытывали, и бряцанье сабель, и пик. В домах, находившихся по соседству с Тюильри, были подняты все ставни и открылось много лавочек.

Мадемуазель Сан-Жен не преминула сунуть свой нос в начинающуюся историю. В коротенькой юбке, в легкой кофточке, накинутой на пышную грудь, в кокетливом ночном чепчике на голове, она сначала прислушивалась из окна к ночным шумам; разобрав звуки набата и треск барабанов, она пошла в прачечную, зажгла там огонь и осторожно открыла дверь.

Улица Рояль-Сен-Рок, где находилась прачечная, была

еще совершенно пустынной. Екатерина ждала, прислушиваясь и глядя во все глаза. Но не одно только любопытство заставляло ее поджидать прохождения вооруженных секций. Сан-Жен была доброй патриоткой, но в данный момент не только ненависть к тиранам волновала ее.

После фрикасе, который она танцевала в «Во-Гале», Екатерина снова виделась со своим земляком, сержантом Лефевром. Они познакомились поближе. На прогулке в Ларанэ, куда она позволила себя свести без всякого ломанья, они обменялись признаниями, клятвами и построили немало воздушных замков. Отставной гвардеец проявил изрядную предприимчивость, но Екатерина ответила ему настолько энергично, выказала такое решительное намерение отдаться только мужу, что сержант, окончательно влюбленный, кончил тем, что попросил ее руки, и она приняла его предложение.

– Правда, у нас с тобой не бог весть что имеется, – весело сказала она сержанту, – и в хозяйство мы многого не внесем... У меня – моя прачечная, в которой нет недостатка в плохих плательщиках.

– А у меня – галуны да жалованье, которое сплошь да рядом сильно запаздывает.

– Это – пустяки! Мы молоды, любим друг друга и впереди у нас будущее! Разве колдун не предсказал мне тогда, что я буду герцогиней?

– А мне разве не предрек он, что я стану генералом?

– Да, но он сначала сказал, что ты женишься на той, которую любишь.

– Ну так что же! Осуществим предсказание с начала!

– Теперь нельзя еще жениться. Предстоит бой...

– Так давай назначим время, Екатерина!

– После низвержения короля, хочешь?

– Да, это ладно! Тираны! О, я так ненавижу их. Ну-ка, Катрин, посмотри сюда! – Лефевр завернул рукав и показал своей нареченной правую руку, на которой виднелась великолепная татуировка: две скрещенные сабли, над ними пылающая граната, а кругом надпись: «Смерть тиранам». – Ага! Вот что значит быть патриотом! – гордо сказал он, с торжествующим видом протягивая ей руку.

– Это очень красиво, – промолвила Екатерина.

Она протянула палец, словно желая ощупать татуировку, но Лефевр поспешил сказать ей:

– Не трогай! Это еще совсем свежо.

Екатерина отдернула руку в испуге, что она чуть-чуть не испортила такое мастерское произведение.

– Не бойся, это не стирается... зато горит здорово! Ну, это пройдет. Но слушай-ка, через несколько дней у тебя будет кое-что получше.

– А что именно? – с любопытством спросила Екатерина.

– Мой свадебный подарок! – таинственно ответил сержант.

На этот раз он не захотел сказать ей ничего больше, и,

весело чокнувшись за гибель предателей, за низвержение короля и за их свадьбу, которая будет позже, Екатерина и ее жених вернулись на шарантонском дилижансе, на котором доехали до улицы Булуа; оттуда они пешком пошли под покровом ласково мигавших звезд на улицу Рояль-Сен-Рок. Когда они добрались до прачечной, то Екатерина, желая избежать всяких нежных сцен, закрыла дверь перед самым носом сержанта и крикнула ему:

– Спокойной ночи, Лефевр! Ты войдешь сюда, когда станешь моим мужем!

С тех пор каждый раз, когда Лефевр мог оторваться от службы, он прибегал в прачечную и проводил несколько сладких минут со своей землячкой.

Но оба начинали находить, что что-то уж очень задерживается падение короля. Поэтому легко понять, с каким двойным нетерпением патриотки и невесты Екатерина созерцала зарю десятого августа. Набатный колокол, оглашая ночную тьму зловещими звуками, вызванивал для Тюильри «Со святыми упокой», а для Екатерины – «Гряди, гряди, голубица!».

Двое соседей последовали примеру Екатерины и в ночных одеждах высунулись за дверь, ожидая новостей.

– Ну, что слышно новенького, мамзель Сан-Жен? – спросил один из них через улицу.

– Сама жду, сосед, погодите! Потерпите немного – скоро узнаете, что там делается.

Задыхаясь от быстрого бега, Лефевр, вооруженный и в

полной боевой форме, прибежал с улицы Сент-Оноре, поставил ружье у двери и в обе щеки расцеловал прачку.

– Ах, милая Екатерина, как я рад видеть тебя! Жаркое будет дело, да и сейчас, впрочем, уже началось. Сегодня все решится. Да здравствует нация!

Соседи робко подошли к ним и спросили, в чем дело.

– А вот, – ответил Лефевр, вытягиваясь, словно собираясь читать прокламацию. – Надо вам сказать, что в Тюильри хотели убить достойного Петiona, мэра Парижа...

Слушатели издали недовольно зароптали.

– Да что ему нужно было там? – спросила Екатерина.

– Господи! Его потащили туда в качестве заложника. Знаете ли, Тюильри теперь представляет собой настоящую крепость. Окна забиты толстыми дубовыми досками, двери забаррикадированы; швейцарцы вооружены до пят, и вместе с ними там засели эти негодяи, рыцари кинжала, предатели, друзья иностранцев; они поклялись перебить всех патриотов. О! Если в мои руки попадется один из них во время сегодняшней заварухи, то я не завидую ему! – воскликнул Лефевр с почти дикой энергией.

– Продолжай, – сказала Екатерина, – здесь у нас нет этих рыцарей кинжала, да и сомневаюсь я, чтобы тебе попался навстречу один из них. Ну а Петион, с ним-то что стало?

– О, ему удалось ускользнуть! Теперь он в безопасности.

– А что, разве бой уже начался?

– Нет, но тем не менее есть уже один убитый. Это – ко-

мандир национальной гвардии.

– Ваш начальник? Его застрелили швейцарцы?

– Его? Да ведь он был на их стороне! Нашли подписанный его рукой приказ расстрелять патриотов из предместья, расстрелять сзади, когда они дойдут до Поль-Пефа, чтобы соединиться с товарищами из Сен-Марсо и Сен-Виктор. Но его измена была обнаружена: предатель, призванный в ратушу для объяснений, был застрелен из пистолета кем-то из толпы. Ничто не будет в силах остановить отряды, двинувшиеся вперед; сегодня мы победим, а через неделю мы уже повенчаемся с тобой, Екатерина! Смотри-ка, у меня уже имеется свадебный подарок для тебя. Ты помнишь, я обещал тебе. – И в присутствии изумленных соседей сержант обнажил левую руку, где виднелась новая татуировка, изображавшая два горящих сердца. – Смотри-ка, – сказал он невесте, – что здесь написано: «Катрин на всю жизнь!»

Он отошел на шаг, чтобы дать лучше рассмотреть рисунок.

– Как красиво... еще красивее той руки! – сказала Екатерина, вся красная от удовольствия, и, бросившись на шею сержанту, сказала ему: – О, мой Лефевр, как ты мил и как я люблю тебя!

В этот момент вдали затрещал ружейный огонь и послышался ответ пушек. Зеваки попрятались в дома.

– До скорого свидания, Катрин! Я должен идти туда, куда меня призывает долг... Будь спокойна! Мы вернемся побе-

дителями! – весело сказал Лефевр.

Он взял ружье и, поцеловав еще раз невесту, побежал по направлению к Тюильри.

Швейцарцы дали залп по почти безоружной толпе, которая пыталась вступить с ними в переговоры. Трупы покрыли площадь Тюильри, все три дворика и Карусель! Но пушки патриотов уже слали туда ядра, возвещавшие падение роялизма!

Людовик XVI укрылся в здании Национального собрания, которое собралось в два часа утра при звуках набата. Ожидая событий, законодатели занялись под председательством Верньо прениями по вопросу об освобождении негров. Святое дело человеческой свободы в те дни защищалось повсюду, без различия рас и цвета кожи.

Укрываясь в ложе логотахиграфа, как в те времена называли секретаря-стенографа, в обязанности которого входило редактирование отчетов, тучный монарх спокойно ел персик, не слушая грохота выстрелов, грозивших опрокинуть его трон, равнодушный к судьбе швейцарцев и забыв об аристократах, которые умирали за него.

Уже совершенно рассвело. Последняя ночь монархии кончилась, и марсельцы с пением гимна шли на приступ последнего оплота феодализма.

IV

Был полдень, когда со стороны Тюильри замолчали пушки. Слышались неясные крики, среди которых смутно угадывался клич: «Победа! Победа!» Над домами вздымались громадные клубы густого дыма, по улицам вихрем кружились искры, обрывки бумаги и клочки горящей материи...

В этот на вечные времена достопамятный день было очень много разных перипетий.

Отряды избрали каждый по три комиссара, которые должны были образовать парижскую коммуну. Мэр Петитон, вызванный в ратушу, был арестован там, чтобы восстание могло развиваться в полной независимости. Командир национальной гвардии, признанный виновным в измене, был убит, а на его место был назначен Сантер. Арсенал взломали, и добытое оттуда оружие позволило первой колонне, явившейся из предместья Сент-Антуан, двинуться в путь.

Король, обойдя батальоны национальной гвардии, вызванной для защиты дворца, обескураженный, скрылся в своих апартаментах. Только батальон де-Пти-Пэр встретил его приветствиями. Остальные кричали: «Да здравствует нация! Долой Вето!», а артиллеристы повернули пушки против дворца.

Людовик XVI увидел, что он погиб и что его могущество и престиж готовы исчезнуть навсегда. Тогда он отправился

просить защиты у Национального собрания, заседания которого в то время проходили в манеже, вблизи тюильрийских садов, там, где теперь находится отель «Континенталь» на улице Риволи. Его эскортировали триста гвардейцев и триста швейцарцев.

Всех швейцарцев было девятьсот пятьдесят человек, очень хорошо вооруженных, высокодисциплинированных. Большинство из них говорило только по-немецки. Эта личная стража, привязанная к королю и считавшая делом личной чести соблюсти условия найма, была полна решимости пожертвовать собой ради хозяина, который завербовал ее и платил ей. К тому же, не зная истинного положения вещей, обманутая начальниками и возбуждаемая «рыцарями кинжала», швейцарская гвардия на заре десятого августа все еще верила, что речь идет о том, чтобы защитить особу короля от разбойников, явившихся убить его. Поэтому многие из швейцарцев, как сообщил один из их полковников, Прейфер, были удивлены и поражены, когда увидели, что на дворец наступает национальная гвардия. Их смутили мундиры. Они думали, что им придется иметь дело с чернью, с насильниками, против которых протестовали все честные граждане, и вдруг увидели, что против них выступает вся нация, вооруженная и дисциплинированная.

Таким образом, можно думать, что в этот день, когда успех уже был достигнут благодаря бегству Людовика XVI, кровь не пролилась бы, если бы в дело не вмешался один

из тех ужасных случаев, столь частых в моменты народного смутения, который подал знак к безжалостной резне.

Марсельцы и бретонцы под начальством друга Дантона, отставного унтер-офицера эльзасца Вестермана, человека очень энергичного, проникли во двор Тюильри. В то время всех дворов было три, и Карусель, более тесная, чем теперь, была сплошь застроена домиками.

Вестерман выстроил свой батальон в боевом порядке. Швейцарцы разместились по окнам дворца, готовые в любой момент открыть огонь. Обе стороны оставались в выжидательном настроении. Вестерман сказал по-немецки несколько слов швейцарцам, чтобы убедить их не стрелять в народ и побрататься с ним. Уже кое-кто из этих несчастных наемников принялся выбрасывать из окон патроны, подавая этим знак к сдаче оружия.

Патриоты ободрились и, обнадеженные этой мирной демонстрацией, направились в вестибюль дворца.

Посредине лестницы, ведущей в часовню, была устроена баррикада. На каждом выступе лестницы стояли по два швейцарца, один – спиной к стене, другой – к барьеру; безмолвные и суровые, они стояли с ружьями на прицеле, готовые стрелять по первому знаку. Высокого роста, в красных куртках и меховых шапках, эти горцы невольно внушали страх.

Но в толпе были не только бретонцы или марсельцы. К ним присоединились еще и шутники из предместий, кото-

рых можно было встретить в первом ряду и в дни сражений, и на местах казней и около фейерверка.

Кому-то из этих парижан пришло в голову крюками и пиками подтянуть к себе в шутку двух-трех наиболее близко стоявших швейцарцев. Последние даже не сопротивлялись, быть может, довольные, что таким образом избегают всякой драки.

При громком смехе зрителей это выуживание швейцарцев шло своим чередом, когда вдруг ни с того ни с сего артиллерийский залп смел эту толпу, до сих пор совершенно безобидную и скорее насмешливую, чем грозную; в дыму сражения так и не удалось узнать, откуда последовал первый выстрел и на чьей совести должна лежать ответственность за эту резню. Но мы вправе думать, что «рыцари кинжала», наблюдая с верхней площадки, как швейцарцы без сопротивления переходили в руки осаждающих, готовые побрататься с ними, решили остановить эту сдачу и воздвигнуть кровавый ров между народом и швейцарской гвардией; по всей вероятности, они и дали первый сигнал к бою.

Артиллерийский огонь, направляемый совершенно хладнокровно защитниками дворца, причинил жестокий урон. В одно мгновение вестибюль наполнился трупами. Кровь ручьями текла по полу. Весь вестибюль застилали густые клубы дыма.

За первым выстрелом последовала общая перестрелка. Швейцарцы и «рыцари кинжала», многие из которых пере-

оделись в гвардейскую форму, стреляли через забаррикадированные окна. Все их выстрелы попадали в цель.

Дворы опустели. Карусель казалась словно выметенной.

Тогда швейцарцы сделали отважную вылазку до улицы Сент-Оноре. Но марсельцы, бретонцы и национальная гвардия собрались с силами и вернулись с пушками. Швейцарцы были выбиты, дворец опустошен. Ничто не могло сопротивляться победоносной толпе. Большинство швейцарцев было перебито во дворце, в садах; их преследовали до Елисейских Полей. Большинство из оставшихся в живых было обьязано жизнью великодушию победителей, которые старались защитить их от народной ярости.

Король Людовик XVI потребовал, чтобы швейцарцы прекратили огонь. Этот приказ он дал д'Эрвальи, но предводитель шайки «рыцарей кинжала» предпочел не передавать его пока что куда следует. Он, как и королева, думал в то время, что победа останется за защитниками дворца и что пальба проучит тех, кого он называл не особенно лестно – «сволочи». Когда он увидел свою ошибку, было уже слишком поздно: дворец был во власти толпы, а король, пленник Национального собрания, вскоре был посажен в тюрьму.

Екатерина, которая не чувствовала ни малейшего страха, с волнением прислушивалась к началу боя и, не слыша потом выстрелов, решила добраться до Карусели. Она хотела узнать, не согласится ли король добровольно отказаться от своих прав и ускорить ее свадьбу, а кроме того, ей хотелось

бы найти среди сражающихся Лефевра.

Эта мысль встретить его всего черного от порохового дыма сражающимся, словно дьявол, в первых рядах, под градом выстрелов, не только не внушала Екатерине страха, но и положительно вдохновляла ее. Ей хотелось бы быть подле жениха, иметь возможность подавать ему патроны, даже больше – самой держать ружье и стрелять из него по защитникам короля. Вдыхая запах пороха, она чувствовала в себе сердце вояки. Она хотела бы делить с Лефевром все опасности, и слава, которая неминуемо осенит Лефевра, заставляла ее и гордиться им, и немного завидовать ему.

Но ни разу ей не пришло в голову, что он может пасть, сраженный пулей швейцарца. Разве же им не было предсказано, что он будет командовать армией, а она станет его женой?! Значит, ни он, ни она не обречены на гибель в боине этого дня! И, не обращая внимания на опасность, Екатерина все дальше и дальше продвигалась вперед, разыскивая Лефевра и бравируя своей храбростью.

Когда со стороны швейцарцев последовал ужасный залп, то все бросились врассыпную. Толпа беглецов увлекла за собой Екатерину на улицу Рояль-Сен-Рок. Около своей прачечной она несколько оправилась, боясь, как бы паника не разрослась еще более и как бы толпа не бросилась к ней в дом. Она еще не потеряла окончательно надежды, но уже начинала бояться, как бы день ее свадьбы не был отложен в долгий ящик.

– Ну уж эти мужчины! Как им не стыдно так позорно отступать? – ворчала она со злостью, толкая ногой дверь своей прачечной. – О, если бы у меня было ружье, я-то уж осталась бы! Держу пари, что и Лефевр тоже не бросился бежать, как они.

Возбужденная, нетерпеливая Екатерина прислушивалась, поджидала вестей о победе, на которую не переставала надеяться. Когда пушки загромыхали изо всей силы, Екатерина подскочила от радости и закричала:

– Вот это наши! Браво, артиллеристы!

Затем она снова стала прислушиваться.

Пушечные выстрелы все учащались, доносились треск ружейных выстрелов, боевые крики. Очевидно, патриоты продвигались вперед, победа была за ними!

О, как не терпелось Екатерине поскорее увидеть своего Лефевра целым и невредимым, поцеловать его как победителя и сказать ему:

– Ну, теперь мы можем жениться.

Она лихорадочно металась по прачечной, ставни которой из предосторожности заперла.

Она не решалась уйти. Правда, ей очень хотелось вернуться на поле сражения, но она боялась, как бы в ее отсутствие не пришел Лефевр. Он будет встревожен и не будет знать, где ее искать. Самое лучшее было обождать его. Очевидно, после взятия дворца он с товарищами пройдет по улице Рояль-Сен-Рок.

Улица снова стала спокойной и пустынной, соседи позапирались у себя. Только что пробило двенадцать. Издали отдельные ружейные выстрелы. Сквозь щель своей двери Екатерина видела вдали по улице Сен-Онорэ какие-то бегущие тени, преследуемые вооруженными людьми. Это были последние защитники дворца, которых преследовали по улицам.

Вдруг после двух-трех выстрелов, раздавшихся совсем близко от нее, Екатерина услышала шум шагов по аллее, которая вела ко второму выходу из ее прачечной на улицу Сен-Рок. Она вздрогнула и пробормотала:

– Можно подумать, что сюда кто-то бежит. Да... кто-то идет. Но кто это может быть?

Бесстрашная, она подбежала к двери и открыла засов.

Показался человек, бледный, слабый, весь окровавленный, с рукой, прижатой к груди, он с трудом волочил ноги. Этот раненый был в белом костюме, коротких панталонах и шелковых чулках. Это был не патриот; если же он и сражался, то уж наверняка в рядах врагов народа.

– Кто вы? Что вам нужно? – решительно спросила Екатерина.

– Победенный... я ранен... меня преследуют. Спрячьте меня, во имя Неба, мадам! Я граф Нейпперг... австрийский офицер...

Он не мог сказать ничего более. Розовая пена показалась на его губах, а лицо покрылось ужасающей бледностью. По-

качнувшись, он рухнул у порога.

Екатерина, увидев, что этот молодой человек, так элегантно одетый, с жабо и жилетом, залитыми кровью, падает перед нею, испытала жалость и ужас.

– Ах, бедный юноша! – сказала она. – Как они отделали его!.. А ведь это аристократ! Он стрелял в народ, он даже не француз... он сказал, что он австриец. Но это все равно, во всяком случае, он человек!

И движимая чувством доброты, которой так много в сердце женщины, как бы энергична она ни была (во всякой здоровенной маркитантке можно встретить нежную сестру милосердия), Екатерина нагнулась, ощупала грудь раненого, осторожно расстегнула залитое кровью белье и стала смотреть, жив ли он еще.

– Он еще дышит, – радостно сказала она, – значит, его можно спасти!

Затем, подбежав к кадке с водой, Екатерина набрала ведро и, тщательно заперев дверь с улицы и осмотрев засов, вернулась к раненому.

Она наложила ему компресс, разорвав для этого на тряпки первое белье, попавшееся ей под руку. В спешке она не заметила, что разорвала мужскую рубашку.

– Батюшки! Что я наделала, – сказала она, – я изодрала рубашку клиента! – Она посмотрела на метку. – Ах, эго рубашка бедного артиллерийского капитана... Наполеона Бонапарта! У бедного парня их не очень-то много. Правда, он

мне должен по громадному счету, но все равно – я верну ему новую рубашку; пойду куплю и снесу ему сама, скажу, что проггла его рубашку утюгом. Только бы он принял, а то он так горд. Да, вот человек, который не обращает внимания на белье... не больше, чем на женщин, впрочем! – прибавила она с легким вздохом.

Продолжая думать о клиенте, рубашку которого она расщипала на корпию, Екатерина осторожно накладывала компрессы на рану артиллерийского офицера – гостя, совершенно неожиданного для такой патриотки, как она.

Вид этого молодого человека, пораженного, быть может, насмерть, бледного, совершенно без сил, перевернул все чувства Екатерины. Это уже не была амазонка в короткой юбчонке, которая стремилась затесаться в среду сражающихся, которая подскакивала от радости при каждом залпе и желала иметь ружье, чтобы принять участие в этом празднике смерти. Она стала ангелом-хранителем, склонившимся к человеческим страданиям. На ее устах почти дрожало проклятие войне, а в голове мелькала мысль, что люди до сих пор остались порядочными дикарями, если могут таким образом решетить друг друга. Но в то же время у нее еще больше закипала ненависть против своих короля и королевы, сделавших неизбежной подобную бойню.

– Это австриец, – пробормотала Екатерина. – Что ему нужно было у нас? Защищать австриячку, госпожу «Вето»? А ведь у него далеко не злой вид...

Она внимательно всмотрелась в офицера.

– Он еще так молод... не больше двадцати лет... да и то нет! Можно подумать, что это девчонка.

Потом ей пришло в голову чисто профессиональное замечание:

– Какое у него тонкое белье... все батист! О, это аристократ.

И она вздохнула, словно бы желая сказать: «Как жаль»...

Под благотворным влиянием холодной воды и компрессов, приостановивших кровотечение, раненый постепенно приходил в сознание. Он медленно открыл глаза. Помертвевшие зрачки что-то искали вокруг.

Вместе с сознанием к нему пришел и страх опасности. Он сделал движение, как бы желая встать.

– Не убивайте меня! – пробормотал он с чрезвычайным усилием, простирая руки вперед, словно собираясь отражать удары невидимых врагов, а затем, собрав все силы, заставил себя выговорить следующую фразу: – Вы – Екатерина Юпшэ... из Сент-Амарена? Меня послала к вам мадемуазель де Лавелин. Он сказала мне, что вы очень добры, что вы можете мне спрятаться... позднее я вам все объясню.

– Мадемуазель Бланш де Лавелин? – с изумлением переспросила Екатерина. – Дочь губернатора Сент-Амарена, моя благодетельница? Та, которая помогла мне устроиться, купить эту мастерскую? Так вы ее знаете? О, для нее я готова не отступить ни перед какой опасностью! Вы не ошиблись,

придя сюда. Здесь вы в безопасности, и тот, кто захочет вырвать вас из этого убежища, должен будет перешагнуть через мой труп!

Раненый пытался заговорить. Очевидно, он хотел еще раз упомянуть имя Бланш де Лавелин, которое оказало такое сильное действие на Екатерину.

Но та жестом приказала ему замолчать.

– Будьте благоразумны, – сказала она ему материнским тоном, – никто не собирается убивать вас! Мадемуазель Бланш будет довольна мной. Вы у патриотки. – Но тотчас она перебила себя, проворчав: – Что это я вздумала ему говорить? Разве австрийцы знают, что такое патриоты? Это – рабы. Вы у друзей, – поправились она вслух. Нейпперг опять рухнул на пол. Его силы снова истощились. Но он услышал сочувственные слова Екатерины и понял, что спасен. Выражение несказанной радости и признательности осветило его лицо. Он был у друзей, имя Бланш де Лавелин покровительствовало ему, значит, ему больше нечего бояться... В последнем усилии, с полужакрытыми глазами он протянул руку и стал искать своей похолодевшей, бескровной рукой руку Екатерины.

– Хорошо, хорошо! Успокойтесь! Дайте мне сделать для вас все, что нужно, гражданин австриец! – сказала Екатерина, стараясь успокоить его волнение.

Она задумалась и сказала себе:

«Ему было бы лучше, если бы он прилег на кровать. Но у

меня не хватит силы дотащить его до кровати. Ах, если бы Лефевр был здесь! Но он что-то не идет! Да и будет ли он?»

Екатерина не закончила своей мысли. Ей впервые пришлось в голову, что и Лефевр мог быть теперь таким же недвижимым, как и этот иностранный офицер, мог истекать кровью и находиться при последнем издыхании. И от этой мысли у Екатерины все похолодело внутри.

– Какой ужас – эта война! – пробормотала она.

Но сейчас же энергичный характер взял верх над грустными мыслями, и она подумала:

«Ну вот еще! Лефевр слишком храбр, слишком основателен, чтобы быть вроде этого аристократишки. Мой Лефевр – настоящая ловушка для пуль! Он примет их целую дюжину и даже “уф” не скажет. Не так он скроен, как эти ветрогоны. А еще суются защищать мадам “Вето”, осмеливаются стрелять в народ!»

Она пожала плечами, затем, снова взглянув на раненого, сказала:

– Но он не может остаться так, он, наверное, умрет. Но как быть? Это друг мадемуазель Бланш; я не могу оставить его умирать таким образом. Я должна все сделать, чтобы вернуть ему жизнь.

Вдруг ей пришло в голову:

«Может быть, это жених мадемуазель Бланш? Вот-то чудно будет, если я обвенчаю ее, я, которой она хотела дать приданое! О, я непременно должна спасти этого молодого чело-

века. А тут еще Лефевр не идет! – встревоженно прибавила она, не зная, каким образом перенести австрийца на кровать. Вдруг ей пришла в голову новая мысль: – А ведь и лучше, что Лефевра нет! О, не потому, что он был бы зол или что ему придет в голову упрекнуть меня в спасении аристократа! Когда он узнает, что это друг моей благодетельницы, он ничего не скажет. Да кроме того, французский солдат не знает врагов по окончании сражения, Лефевр это часто говорил мне. Но он ревнив, как тигр; ему не понравится, что ухаживаю за этим изнеженным аристократом. Он, быть может, начнет раздумывать, как это могло случиться, что молодой человек стал искать убежище прямо у меня. “Для того чтобы искать убежище у тебя, он должен тебя знать!” – вот что он скажет! Правда, я отлично знаю, что ответить ему на это. Но это ничего не значит, я все-таки предпочитаю, чтобы он не видел».

Екатерина снова сделала попытку приподнять юного австрийца, ставшего очень тяжелым.

В этот момент в дверь с улицы постучали.

Екатерина вздрогнула и прислушалась, побледнев больше раненого.

«Кто это может быть? – подумала она. – Прачечная закрыта, да никому и в голову не придет явиться с бельем или зайти за чистым в такой день».

На улице послышался стук ружейных прикладов. В то же время раздался стук в дверь с аллеи. Слышались раздражен-

ные голоса:

– Он скрылся сюда. Он здесь спрятался.

Екатерина задрожала.

– Это его ищут! – пробормотала она, сочувственно глядя на раненого, по-прежнему остававшегося без сознания.

За дверями слышались ворчливые голоса. Нетерпеливый ропот толпы свидетельствовал о ее раздражении.

– Да взломаем дверь! – вдруг сказал какой-то голос.

– Как спасти его? – пробормотала Екатерина, а затем, встряхнув умирающего, сказала ему: – Да ну же, гражданин, смелее! Попробуйте встать на ноги.

Раненый открыл глаза и сказал задыхающимся голосом:

– Не могу... дайте мне умереть!

– Ну вот, хорошее занятие «умереть»! – проворчала Екатерина. – Ну, ну! Поэнергичнее, черт возьми! Знайте, что я решила вернуть вас мадемуазель де Лавелин живым во что бы то ни стало. Ей не стоило и посылать вас сюда, чтобы умирать здесь. Ну, подымитесь-ка!.. Вот так! Вот видите, это совсем нетрудно, стоит только захотеть.

Нейпперг шатался, словно пьяный. Екатерина с трудом поддерживала его.

Крики и угрозы на улице раздавались с удвоенной силой. От ударов в дверь дрожали все косяки. Вдруг из общего гула толпы выделился голос, крикнувший:

– Постойте, граждане, пустите-ка меня! Мне-то откроют! – И тот же голос громко закричал: – Катрин, это я! Не

бойся, выйди к нам!

– Лефевр! – дрожа, произнесла Екатерина, счастливая, что ее жених здоров и невредим, но испуганная за раненого. – Постой, я бегу отворять! – крикнула она.

– Ну, вот видите, граждане, она откроет! Немножко терпения! Черт возьми! Вы перепугали ее вашей манерой просить о входе, высаживая дверь! – сказал Лефевр громким голосом, чтобы Екатерина могла узнать его голос.

– Вы слышали? – торопливо спросила она раненого. – Они хотят войти... я должна открыть им. Идите!..

– Куда надо идти?

– Попытайтесь влезть по этой лестнице. Я спрячу вас на чердаке.

– Влезть? О, это невозможно. Вы видите, я еле волочу ноги.

– Ну ладно! Туда... в мою комнату!

Екатерина, подталкивая австрийца, заставила его войти в ее комнату и заперла дверь на ключ. Затем, красная, задыхающаяся, довольная, она поторопилась открыть дверь Лефевру и толпе, сказав про себя с выражением радостного удовлетворения: «Теперь он спасен!»

V

Как только засов был откинут, задвижка отперта и дверь открылась, в комнату вошел Лефевр в сопровождении трех-четырёх национальных гвардейцев и большой толпы соседей и зевак, среди которых преобладали женщины и дети.

– Однако ты долго не отпирала, милая Катрин, – сказал Лефевр, целуя невесту в обе щеки.

– Господи! Этот шум, крики...

– Да, я понимаю... ты испугалась. Но это стучали патриоты, друзья. Катрин, мы победили по всей линии! Король превратился в простого узника нации, твердыня деспотизма взята. Теперь хозяином Франции является народ!

– Да здравствует нация! – слышались голоса.

– Смерть тиранам! Долой швейцарцев и рыцарей кинжала! – закричали другие из толпы, теснившейся у порога прачечной Екатерины.

– Да, смерть тем, кто стрелял в народ! – громко сказал Лефевр. – Катрин, знаешь, почему к тебе в прачечную ломились с таким ожесточением?

– Нет... Я очень испугалась. Тут поблизости слышались ружейные выстрелы.

– Мы стреляли по аристократу, который бежал из Тюильри, в одного из рыцарей кинжала, которые хотели перебить патриотов. Я поклялся, что если мне попадется один из них,

то я заставлю его поплатиться за пролитую кровь наших братьев. И вот мне и моим товарищам, – сказал Лефевр, указывая на сопровождавших его национальных гвардейцев, – удалось напасть на след одного из них. Мы выстрелили в него из ружья, но вдруг на повороте улицы он бесследно исчез. А между тем он был ранен, кровавые следы вели по аллее вплоть до твоей двери, Катрин. И тогда мы подумали, что он укрылся у тебя. – Лефевр осмотрелся по сторонам и затем сказал: – Но его нет, иначе мы видели бы его, да и потом ты бы сказала нам, что он здесь? – Затем, обращаясь к своим товарищам, он продолжал: – Товарищи, нам здесь больше нечего делать. Особенно вам! Вы видите, что аристократа здесь нет. Надеюсь, что вы позволите одному из победителей при Тюильри спокойно обнять свою женушку.

– Жену? О, пока еще нет, Лефевр! – сказала Екатерина.

– Как? Да разве король не свергнут? – воскликнул Лефевр и снова обратился к товарищам: – До свиданья, граждане, до скорого свидания в отряде. Нам надо выбрать капитана и двух лейтенантов и потом священника на приход... конечно, священника-патриота. Старый священник испугался и удрал, оба лейтенанта и капитан убиты швейцарцами, значит, надо заменить их. До свиданья!

Гвардейцы ушли. Зеваки продолжали торчать у дверей.

– Вы что же, друзья мои? – добродушно-ворчливым тоном сказал им Лефевр. – Разве вы не слышали или не поняли? Так чего же вы еще ждете? Аристократа? Так его нет у

моей Катрин, это ясно. О, наверное, он свалился где-нибудь недалеко отсюда за углом. У него по крайней мере три пули в груди. Ищите, это – ваше дело! Сам охотник никогда не подбирает дичи.

И он стал попросту выталкивать их за дверь.

– Ладно уж, ладно! Идем, сержант, идем!

– Вовсе не из-за чего толкать людей, – сказал один из зевак и прибавил ироническим тоном: – Точно нельзя было спрятать его у себя в комнате.

Лефевр резко прикрыл дверь и снова подошел к Екатерине, чтобы опять расцеловать ее.

– Я думал, что они никогда не уйдут! – произнес он. – Слышала ты, какие глупости они болтали? Они говорили о комнате, о твоей комнате. Что за идея! Но как ты дрожишь, Катрин! Ну чего ты? Успокойся! Все кончено, займемся теперь друг другом.

Он поймал взор Екатерины, боязливо брошенный на дверь ее комнаты и, невольно направившись прямо к этой двери, хотел ее открыть.

Дверь оказалась запертой. Лефевр остановился, обеспокоенный. Тень подозрения скользнула по его лицу.

– Катрин, – спросил он, – почему эта дверь заперта?

– Да потому... что... мне это так нравится! – ответила Екатерина с явным смущением.

– Это не причина. Дай мне ключ!

– Нет, ты не получишь его.

– Катрин, – крикнул Лефевр, побелев от бешенства, – ты обманываешь меня!.. Там есть кто-то в твоей комнате... настоящее, твой любовник. Дай мне ключ!

– Я сказала, что не дам!

– В таком случае я сам возьму его! – И Лефевр, запустив руку в кармашек фартука невесты, взял оттуда ключ и отпер им дверь ее комнаты.

– Лефевр! – крикнула ему Екатерина. – Я предупреждала тебя, что туда войдет только мой муж. Ты хочешь войти насильно, так никогда я не войду туда вместе с тобой.

В ставни прачечной снова постучали. Екатерина пошла отворять. Там оказалось несколько вооруженных солдат национальной гвардии.

– Где сержант Лефевр? – спросили они. – Его требуют в отряд. Говорят, будто его произведут в лейтенанты.

Лефевр вышел из комнаты Екатерины взволнованный, бледный, серьезный. Он тщательно запер дверь, вынул оттуда ключ и вернул его невесте, причем тихонько произнес:

– Ты не сказала мне, что у тебя в комнате лежит мертвец.

– Он мертв? Ах, бедный мальчик! – грустно воскликнула Екатерина.

– Нет, он жив. Значит, это правда? Это не был ухаживатель?

– Дурачок! – ответила Екатерина. – Если бы он был здоров, зачем бы я спрятала его туда? Но ты не выдашь его, по крайней мере? – снова заговорила она с беспокойством. –

Хотя он и австриец, но это друг мадемуазель Бланш де Лавелин, моей благотельницы...

— Особа раненого священна! — произнес Лефевр. — Твоя комната превратилась в госпиталь, а по госпиталю никогда не стреляют! Выходи этого беднягу, спаси его! Я рад помочь тебе уплатить долг той барышне, которая когда-то выручила тебя. Но постарайся, чтобы этого никогда не узнали; это может сильно повредить мне в глазах отряда.

— О, какой ты порядочный! Ты так же добр, как честен! Лефевр, я дала тебе слово. Когда ты захочешь, я буду твоей женой!

— Это будет очень скоро. Однако друзья приходят в нетерпение, я должен идти за ними.

— Сержант Лефевр, вас ждут... сейчас приступят к выборам! — сказал один из гвардейцев.

— Хорошо, хорошо, я иду за вами. Идем, товарищи!

В то время как Лефевр шел в отряд, урны которого заполнялись избирательными записками, Екатерина на цыпочках прошла в комнату, где в легком забытии, прерываемом приступами лихорадки, спал юный австрийский офицер, которого она приняла как гостя, так как он воспользовался именем Бланш де Лавелин.

VI

Екатерина принесла раненому бульон и немного вина и, так как он проснулся от легкого шума ее шагов, сказала:

– Вот кушайте, вам надо подкрепиться. Вам понадобятся силы, так как нельзя долго оставаться в этой комнате. О, не потому, что я хотела бы прогнать вас! Вы здесь – гость мадемуазель Бланш, это она направила вас ко мне, это она приютила и защитила вас. Но, видите ли, в эту лавочку заходит много разного народа, а ваш вид очень подозрителен. Мои работницы, клиенты скоро пронюхают, что вы здесь, и донос не заставит себя ждать. Господи! Вы стреляли в народ!

Нейпперг сделал жест и медленно произнес:

– Мы защищали короля!

– Толстяка «Вето»? – сказала Екатерина, пожав плечами. – Он сбежал в Национальное собрание... там его не стали искать, он в безопасности, спокоен. Он самым эгоистичным образом предоставил другим погибать, забыв о них так же, как забыл о том красном колпаке, который сорвал с себя двадцатого июня, после того как перед нашими товарищами из предместья Сент-Антуан его украсили удалившиеся патриоты... Ваш «Вето» – ни на что не годный лентяй, которого бездельница-жена водит за нос и приведет... вы знаете куда? Под выстрелы народа! О, это с ним случится наверняка! Но зачем же вы, иностранец, вмешались в эту сумятицу? –

спросила она после некоторого молчания. – Вы ведь сказали, что вы австриец?

– Как лейтенант лейб-гвардии ее величества я нес известные обязанности перед королевой...

– Перед австриячкой! – проворчала Екатерина. – Так, значит, вы за нее сражались? Да какое вам дело до наших раздоров?

– Я хотел умереть! – ответил молодой офицер с удивительной простотой.

– Умереть! В ваши-то годы? За короля? За королеву? Тут должны быть другие причины, молодой человек, – заметила Екатерина добродушно-шутливым тоном. – Извините меня за нескромность, но когда человек в двадцать лет умирает за людей, которых не знает, сражается с людьми, против которых не может ничего иметь, то... он, очевидно, влюблен. А? Я угадала?

– Да, вы угадали, моя добрая покровительница!

– Ей-богу, это нетрудно отгадать! Хотите, я даже скажу вам, в кого вы влюблены! Держу пари, что в мадемуазель Бланш Лавелин. Я не требую от вас признания, – поспешила прибавить Екатерина, заметив беспокойство на лице раненого, – дальнейшее не касается меня; к тому же мадемуазель Лавелин вполне достойна быть любимой.

Граф Нейпперг приподнялся и воскликнул:

– Да... моя дорогая Бланш добра и прекрасна! Ах, если я умру, передайте ей, что я умирал с ее именем на устах и с

мыслью о ней и о...

Молодой человек сдержал готовое сорваться с уст признание.

– Вы не умрете, – сказала Екатерина ободряющим тоном, – разве умирают в ваши годы, да еще влюбленные?! Вы должны жить для мадемуазель Бланш, которую вы любите и которая, по всей вероятности, любит вас; вы должны жить еще и для той особы, которую хотели только что назвать. Это, вероятно, ее отец, маркиз Лавелин? Он прекраснейший господин... я видела его раза два-три там, в нашем родном Эльзасе.

Услыхав имя маркиза, Нейпперг сделал движение, которое можно было принять за выражение презрения и гнева.

«Кажется, они не слишком большие друзья, – подумала Екатерина, – надо принять это к сведению и не говорить больше о нем. Вероятно, отец Бланш противился их браку. Бедная барышня! Так вот из-за чего этот молодой человек искал смерти».

Она участливо вздохнула и, поправив подушку под головой больного, сказала:

– Я слишком много болтаю... быть может, вы желаете отдохнуть? Это для вас полезно, лихорадка уменьшится.

Больной слегка тряхнул головой.

– Говорите еще о ней, говорите о Бланш, – попросил он, – в этом мое облегчение.

Екатерина улыбнулась и принялась рассказывать о Бланш,

которая выросла у нее на глазах, так как сама она родилась на небольшой ферме близ замка вельможи Лавелин. Маркиз служил при дворе и потому большую часть года отсутствовал дома. Бланш воспитывалась при матери и вела вполне деревенский образ жизни, бегая по лесам и полям, прыгая через рвы и заборы. Она не была горда и запросто беседовала с крестьянами, часто заходила на ферму и очень благосклонно относилась к маленькой Екатерине. Когда маркиз вызвал в Версаль жену и дочь, Екатерина и еще три крестьянские девушки были отправлены в качестве прислуги при маркизе де Лавелин и ее дочери, причем Екатерина несла обязанности прачки. Так прошло несколько счастливых лет ее жизни, пока не умерла госпожа Лавелин. Вскоре после того маркиз получил дипломатическое поручение в Англию и увез свою дочь в Лондон. Уезжая, Бланш захотела обеспечить Екатерину и приобрела для нее прачечную, где она и сейчас находится. Ах, мадемуазель Бланш – добрейшее создание и достойна любви!

Не успела Екатерина кончить свой рассказ и самыми лестными похвалами осыпать свою благодетельницу, как постучали в дверь.

«Неужели это Лефевр так рано возвратился со своими товарищами?» – подумала встревоженная Екатерина.

– Не беспокойтесь! – обратилась она к Нейппергу, который стал прислушиваться. – Если Лефевр один, то нет никакой опасности, если же он с товарищами, я с ними поговорю

и удалю их. Подождите меня и не бойтесь ничего!

Она пошла открывать дверь несколько смущенная. Но как-то было ее удивление, когда она увидела молодую женщину, очень испуганно и торопливо вошедшую и сказавшую ей:

– Он здесь, не правда ли? Мне говорили, что видели человека, который с трудом дотащился сюда. Жив он еще?

– Да, мадемуазель Бланш, – ответила Екатерина, узнав в этой взволнованной женщине дочь маркиза де Лавелина, – да, он здесь, в моей комнате; он жив и все время говорит только о вас! Хотите взглянуть на него?

– Ах, моя милая Катрин, какая счастливая мысль пришла мне в голову указать ему твой дом как самое надежное убежище! – При этом мадемуазель Лавелин схватила руку Екатерины и, с чувством благодарности горячо пожав ее, сказала: – Проводите меня к нему!

Неожиданное появление Бланш произвело на раненого чрезвычайно сильное впечатление; он чуть не вскочил с постели, на которую с таким трудом Екатерина уложила его. Обоим женщинам пришлось употребить все усилия, чтобы удержать его.

– Гадкий, – произнесла Бланш своим мягким голосом, – ты, оказывается, хотел умереть?

– Жизнь без тебя была бы слишком тягостна мне. А могли представиться более удобный случай, как умереть в сражении, со шпагой в руке, с улыбкой идти навстречу славной и красивой смерти?

– Неблагодарный! Ты должен был жить для меня!

– Для тебя? Разве ты не была потеряна для меня? Ведь ты собиралась покинуть меня навсегда!

– Этот ненавистный брак не был еще заключен; простая случайность могла расстроить его, нужно было надеяться!

– Ты сама сказала мне, – заметил Нейпперг, – что нет никакой надежды. Сегодня, десятого августа, ты должна была стать женою другого и назваться баронессой Левендаль; так решил твой отец, и ты не протестовала!

– Ты отлично знаешь, что все слезы, все мольбы были напрасны. Моему отцу грозило полнейшее разорение из-за барона Левендаля, этого бельгийского миллионера, который одолжил ему значительную сумму и теперь требовал немедленной уплаты или моей руки. Отцу ничего не оставалось, как согласиться на это требование.

– Твой отец избрал самый легкий способ оплаты своих долгов!

– Друг мой! Отцу неизвестно, насколько серьезна наша любовь, он ничего не знает, решительно ничего! – повторила Бланш с возрастающей настойчивостью.

Во время этого разговора двух влюбленных Екатерина из деликатности ушла в мастерскую, чтобы не мешать их интимной беседе.

В болезненном волнении глядя на Бланш, Нейпперг возразил:

– Да, они ничего не узнают, потому что я исчезну. Моя

смерть водворит полное спокойствие, предаст все полному забвению. Но, к сожалению, народные пули не захотели уложить меня, и придется все начать снова! Впрочем, удобный случай не преминет представиться в ближайшем будущем; война объявлена, я пойду сражаться в рядах королевской армии, и если смерть не захотела меня принять под обломками Тюильри, то примет на берегах Рейна.

– Ты не сделаешь этого!

– Кто может помешать мне? Впрочем, позвольте спросить, Бланш! Сегодня десятое августа, день, назначенный для вашего бракосочетания; как же это случилось, что вы здесь, когда ваше место там, подле вашего супруга? Оглашение в церкви уже сделано... чего же вы медлите? Спешите осчастливить барона Левендаля и покрыть долги маркиза. Вероятно, сражение помешало совершению обряда; но теперь выстрелы прекратились, набатный колокол умолк, свадебный звон может свободно раздаваться. Оставьте меня, я хочу умереть все равно здесь или в другом месте, сегодня или завтра – безразлично!

– Нет-нет, ты должен жить! Для меня... для нашего ребенка, – воскликнула Бланш, бросаясь к Нейппергу и страстно обнимая его.

– Наш ребенок? – пробормотал раненый.

– Да, наш милый маленький Анрио! Ты не имеешь права умереть! Твоя жизнь не принадлежит только тебе одному!

– Наш ребенок! – с грустью повторил Нейпперг. – А твой

брак?

– Он еще не заключен, еще есть надежда.

– Правда? Ведь ты еще не баронесса Левендаль!

– Нет и, быть может, никогда ею не буду!

– Объясни мне все это, – произнес раненый с лихорадочной болезненностью.

– Когда мы расстались, как нам казалось, навеки, – начала Бланш, – и ты известил меня, что идешь в ряды защитников Тюильри, то есть, другими словами, идешь на смерть, у меня в глубине души все же таилась надежда; вот почему я и указала тебе на Катрин как на ту, которая могла бы дать тебе надежное убежище в случае, если бы тебе удалось уйти из Тюильри. Кроме того, у меня была также надежда снова встретиться с тобой.

– Ты надеялась на это? А между тем ты повиновалась отцу и согласилась сделаться женой этого Левендаля.

– Да, но что-то вселяло в меня уверенность, что эта свадьба будет отложена.

– И что же, действительно так случилось?

– В предместьях поднялось восстание. Мой отец объявил, что в назначенный день свадьба не может состояться. Тогда барон Левендаль предложил отложить свадьбу на три месяца, до шестого ноября.

– А, барон, видимо, не слишком спешит!

– Будучи взволнован событиями и боясь успеха революции, Левендаль уехал вчера из Парижа раньше, чем была за-

крыта застава. Он отправился в свое имение близ Жемапа, на границе Бельгии; это место он предназначил для празднования этой нелепой свадьбы.

– И ты поедешь в Жемап?

– Мой отец, также испуганный событиями, решил отправиться в замок барона. Он предполагает, что мы тронемся в путь, как только проезд станет свободным.

– И ты поедешь с ним?

– Да, я поеду с ним. Но будь спокоен, я знаю что мне предпринять. Никогда я не выйду замуж за барона.

– Ты клянешься мне в этом?

– Клянусь!

– Но откуда явится у тебя решимость в Жемапе, если здесь ее не было у тебя?

– Перед своим отъездом барон получил мое письмо, которое я написала ему со слезами. Я подкупила его слугу, и тот должен был передать письмо не раньше, чем они проедут заставу.

– Значит, он знает?

– Он знает правду. Он знает, что я люблю тебя и что наш маленький Анрио не может иметь иного отца, кроме тебя.

– О, моя обожаемая Бланш, моя дорогая жена! Я боготворю тебя, ты возвращаешь мне жизнь. Мне кажется, что силы вернулись ко мне и я снова могу сражаться с революционным сбродом.

Нейпперг в порыве увлечения сделал такое резкое движе-

ние, что повязка, покрывавшая рану, соскользнула, рана открылась и кровь хлынула струей. Он громко вскрикнул. Екатерина прибежала на помощь. Обе женщины занялись перевязкой, и наконец им удалось остановить кровь.

Нейпперг впал в обморочное состояние.

Лишь спустя некоторое время он пришел в себя и первые его прерывистые слова выдали их секрет.

– Бланш, я умираю, береги нашего малютку! – прошептал он.

Это открытие поразило Екатерину.

«У мадемуазель Бланш есть ребенок», – подумала она, а затем обратилась к молодой женщине, стыдливо потупившейся, и сказала:

– Не бойтесь ничего! То, что я сейчас узнала, в одно ухо вошло, в другое вышло. Если я понадобится вам когда-нибудь, то знайте, что я принадлежу вам всецело. Не смущайтесь!... Дети – это случайность, которая появляется у всех любящих друг друга людей. А сколько лет вашему херувиму? Он, наверное, очень мил.

– Ему скоро три года.

– А как зовут его?

– Анри, но мы зовем его Анрио.

– А я увижу его когда-нибудь?

Бланш де Лавелин задумалась, а затем промолвила:

– Послушай, моя милая Катрин! Ты могла бы оказать мне большую услугу... окончив таким образом то, что ты так хо-

рошо начала, оказав помощь графу Нейппергу.

– Говорите, что нужно сделать?

– Мой сын находится в окрестностях Парижа, в предместье Версаля, у одной хорошей женщины, бабушки Гош.

– Старушку Гош я знаю! Ее сын – приятель Лефевра, моего возлюбленного, или, вернее, моего мужа, так как я собираюсь выйти замуж за Лефевра и у меня тоже будет маленький Анри... много маленьких Анри.

– Поздравляю тебя! Ты, значит, можешь посетить бабушку Гош?

– У меня даже есть поручение к ней от ее сына, Лазаря, который служил во французской гвардии вместе с Лефевром; они вместе брали Бастилию. А что нужно передать гражданке Гош?

– Ты передашь ей деньги и это письмо, – сказала Бланш, подавая Екатерине кошелек и письмо. – Затем ты возьмешь ребенка и привезешь его ко мне. Не слишком ли много я потребовала от тебя, Катрин?

– Только-то? Вы хорошо знаете, что если бы вы послали меня взять Тюильри, в случае если бы швейцарцы снова явились, то и это я сделала бы для вас! Разве не вам обязана я тем, что смогла приобрести эту лавчонку и скоро стану гражданкой Лефевр? Требуйте от меня большего, этого недостаточно! А когда я вывезу крошку из Версаля, что тогда нужно делать?

– Привези его ко мне.

– Куда?

– В замок Левендаля, близ деревни Жемап. Это на границе Бельгии. Тебе удастся увезти Анрио?

– Для вас я рискну всем! А когда должна я доставить вашего малютку в Жемап?

– Не позже шестого ноября.

– Хорошо, будет сделано. Лефевр устроит мой отъезд; к тому же мы тогда уже будем повенчаны и, быть может, он поедет со мной. Возможно, что и там будут сражаться!

– Дай обнять тебя, Катрин! Чем я могу вознаградить твою услугу? Итак, в Жемап!

– В Жемапе мы встретимся шестого ноября!

Затем Бланш указала на Нейпперга и сказала:

– Он спит, я побуду с ним. Иди, Катрин, занимайся своим делом; мы, должно быть, очень мешаем тебе.

– Располагайтесь как у себя дома, я уже говорила вам. Но тише, он, кажется, просыпается, – указала Екатерина на раненого, который медленно стал открывать глаза. – Ну, я пойду, не буду мешать вам; у вас, наверное, есть о чем поговорить!

– Ты уходишь? Ты оставляешь меня одну?

– Я ненадолго; отнесу только белье здесь неподалеку. Никому не открывайте дверей! До скорого свидания!

VII

В то время как граф Нейпперг и Бланш Лавелин, находясь в приятном одиночестве, обменивались планами на будущее и говорили о своем ребенке, Екатерина взяла корзину, наполненную бельем, и собралась уходить. Пусть влюбленные поболтают – они не рассердятся на ее отсутствие, тем более что и так все утро у нее было потеряно. Конечно, не каждый день завоевывают Тюильри, но все же надо было наверстать потерянное время. Екатерина размышляла о всех событиях, происшедших в последнее время. Отныне на ее душе была новая забота. Нейпперг очень одобрил доверие Бланш, поручившей Екатерине забрать маленького Анрио у старухи Гош, которая воспитывала его в Версале, и препроводить в Жемап. Со временем, когда Нейпперг выздоровеет, он заберет мать своего ребенка, не обращая внимания на гнев маркиза Лавелина и готовый снести голову барону Левендалю, если бы то понадобилось для освобождения Бланш.

Екатерина, отправляясь в путь, думала: «Лефевр находится в своем отряде, где происходят выборы. Он не вернется, прежде чем будут объявлены результаты выборов новых офицеров, а это займет добрых два часа. Там голосуют долго... много там таких говорунов, как мой Лефевр! Тем временем я успею сбегать к капитану Бонапарту».

При воспоминании о своем клиенте, худом, изнуренном

артиллерийском офицере, она улыбнулась.

«Нельзя сказать, чтобы у моего капитана было слишком много рубашек, и эти будут для него нелишними! – подумала она и, вздохнув, прибавила: – Собираясь стать гражданкой Лефевр, я не хочу остаться в долгу у капитана Бонапарта... пусть лучше он мне будет должен. На всякий случай возьму с собой и счет; если он спросит, подам его, а если нет – и так обойдется... я никогда не осмелюсь требовать от него уплаты долга. Бедный малый, вот-то работник! Ученый! Всегда за письмом или чтением. Печальная молодость! Как будто уж не найдется времени и для чего-нибудь другого!» – подумала она с легким раздражением, надув губки и опуская в карман счет капитана Бонапарта.

Затем она отправилась в гостиницу «Мец», принадлежавшую Можару, где жил скромный артиллерийский офицер, занимая простенькую комнатку на третьем этаже, под номером 14.

Молодость этого человека, впоследствии великого и рокового, именем которого был наполнен целый век и слава которого еще и до сих пор окрашивает в багровый цвет наш горизонт, проходила без каких бы то ни было чрезвычайных или выдающихся событий. Случаю угодно было открыть в нем недюжинные способности и дать возможность проявить гений, создавший чудесную славу. Ребенком и юношей Бонапарт не обращал на себя ничьего внимания. Никто не мог бы предсказать его судьбу и даже подумать о его будущей

славе. В первые учебные годы он был бедным, застенчивым, работающим, гордым и немного угрюмым юношей. Он сильно бедствовал, а это заставляло его уединяться. Обладая живым темпераментом, он выбивался из сил, чтобы выйти из тяжелого положения.

Отец Наполеона, Карло Бонапарте, по профессии адвокат, происходил из древнего тосканского рода, переселившегося еще два века тому назад в Аяччо. Его предки были достойными представителями своего рода. Карло Бонапарте был одним из самых пылких приверженцев Паоли, замечательно-го корсиканского патриота. Он принужден был подчиниться французам, когда Паоли покинул остров. Хотя Карло Бонапарте как член административного совета Корсики и занимал видное положение, но всегда сильно нуждался в деньгах. Единственным средством к существованию у него было небольшое поместье с виноградником и оливковым садом, дававшее едва 1200 ливров дохода и требовавшее такого же расхода. Позже, во время восстания на Корсике, его материальное положение еще более ухудшилось, доведя его до полной нужды.

Его жена, Летиция Рамолино, родившаяся 24 августа 1749 года, была красивой женщиной с правильными чертами лица и профилем античной камеи. Впоследствии она проявила необычайную твердость духа, чуткость и тонкое понимание. В качестве государыни-матери находясь на троне рядом со своими сыновьями, властителями Европы, она была

скромна в расходах и не тратила всей полагавшейся ей суммы. Однажды в ответ на упрек Наполеона она ответила:

— Я экономлю для вас, дети мои, на тот случай, когда вы будете нуждаться.

По некоторым источникам, Наполеон Бонапарт родился от Карло и Легации 15 августа 1769 года, он был вторым их сыном. По другим, более верным сведениям, Жозеф, родившийся в Аяччо, был вторым сыном, колыбелью же Наполеона, родившегося 7 января 1768 года, является Корт. В бриеннской военной школе существует метрическое свидетельство юного Наполеона, в котором временем его рождения указано 15 августа 1769 года. По другим источникам, эта неточность возникла позже. Главные объяснения этому можно найти в свидетельстве о браке Бонапарта с Жозефиной. Говорят, что Жозефина из кокетства убавила свой возраст на четыре года, а Бонапарт, желая будто бы сгладить разницу лет, прибавил себе два года. Весьма возможно, что он из любезности не назвал своих настоящих лет, а потом, в свидетельстве о гражданском положении, родители не изменили его показаний. Настоящая же причина уменьшения лет, вернее всего, зависела от возраста, требовавшегося для поступления в военную школу в Бриенне. Наполеону было больше десяти лет, то есть больше предельного возраста. Поэтому родители, дав ему метрику Жозефа, который был моложе на два года и к тому же не чувствовал склонности к военной службе, предоставили таким образом Наполеону воз-

возможность поступить в военную школу.

Два обстоятельства воздействовали на его ум и закаливали его характер; с одной стороны – политические перевороты в родной стране, с другой – семейные бедствия. Гражданская война и нужда родительского очага закалили его душу и вместе с тем омрачили его детство.

Поступая в школу в Бриенне, Наполеон был серьезен, а окончив ее, был печален и озлоблен. Товарищи смеялись над его итальянским произношением и над странным именем Наполеон; его прозвали «Palle-au Nez». Над его бедностью глумились, а известно, сколь жестоки детские шутки и какие глубокие раны причиняют они своим жертвам!

Наполеон хорошо учился и особенно преуспевал в математике. В играх он редко принимал участие; любил только зимой играть в снежки, где при штурмах ледяных крепостей на школьном дворе оказывался великолепным стратегом. Так незаметно прошли первые годы детства Наполеона.

В школе он сошелся с Буррьеном, будущим казнокрадом, впоследствии личным секретарем Наполеона, отплатившим за благодеяния и снисходительность своего друга, ставшего императором, тем, что вышучивал и клеветал на него в своих мемуарах, подкупленный полицией во времена Реставрации.

Из Бриенна Наполеон перешел в военное училище, где продолжал страдать от мелких уколов самолюбия и насмешек над его бедностью. Не имея денег, он не мог принимать участие в дорогостоящих удовольствиях своих сверстников;

ему приходилось держаться в стороне, как парии. Постоянное одиночество в тот период жизни, когда велика потребность в дружеском общении, развило в нем, по всей вероятности, те бесстрашность и безжалостность, которые придали ему облик закаленного, как бронза, человека.

1 сентября 1785 года у Наполеона умер отец, тридцати девяти лет от роду, вследствие рака желудка. Это совпало с моментом его назначения младшим лейтенантом в роту бомбардиров, в полк, находившийся в Валенсе. В свободное от занятий время он писал историю Корсики; вступая в свет, брал уроки танцев у профессора Дотеля и ухаживал за полковыми дамами, которых встречал в салоне госпожи Коломбье. Внезапно его полк перевели в Лион, потом в Дуэ. Наполеон получил отпуск и отправился повидаться с родными в Аяччо. Затем он отправился в Париж, где остановился в гостинице «Шербург», на улице Сент-Оноре, и оттуда получил приказ к 1 мая 1788 года явиться в свой полк, стоявший в Осоне.

От усиленных трудов, лишений и плохого питания — из-за отсутствия денег он обходился одним только молоком — Наполеон заболел.

Чтобы помочь матери, оставшейся вдовой с восемью детьми, он взял к себе младшего брата, Людовика, и жил с ребенком, урезая себя во всем, на девяносто два франка пятнадцать сантимов в месяц.

Две темные, холодные конурки с жалкой мебелью составляли жилище. В одной комнате стояли убогая кровать, чешмодан, наполненный бумажным хламом, соломенный стул и простой некрашенный деревянный стол. Там спал и работал будущий владелец дворца Тюильри и Сен-Клу. Во второй конурке, на матрасе, брошенном прямо на пол, спал будущий король Голландии. Слуги у них, конечно, не было. Бонапарт сам чистил себе сапоги и одежду, готовил обед.

Наполеон наметнул однажды на это тяжелое время своей жизни в присутствии одного чиновника, жаловавшегося на скудость своего жалованья.

— Я хорошо знаю это, — сказал он. — Когда я имел честь быть подпоручиком, я завтракал сухим хлебом; но моей бедности никто не видел; в обществе я не позорил своих товарищей. Бедность делает человека целомудренным и не располагает к любви.

В этот период времени Бонапарт относился к женщинам весьма отрицательно и нередко высказывал такого рода суждения: «Любовь вредит обществу и личному счастью людей; наконец, любовь приносит больше зла, чем добра». Насколько эти суждения были искренни, неизвестно; быть может, это не более как утешение голодной лисы, смотрящей на недосыгаемый виноград.

Добрая Екатерина, стирая белье своего клиента, чувствовала к нему некоторое расположение. Это было еще до ее встречи с Лефевром. Однако она успела убедиться, что и в

Париже, как в Осоне, Бонапарт держался своих строгих философских воззрений.

Получив чин поручика, Бонапарт был переведен в четвертый артиллерийский полк и возвратился в Валенс в сопровождении брата Людовика. Там он снова зажил замкнутой жизнью и много занимался. Тем временем загоралась заря революции. Наполеон оказался горячим приверженцем идей свободы и народной эмансипации и стал везде выступать как революционер. Он говорил, писал, агитировал, записался в члены клуба конституционалистов и даже стал секретарем этого общества. Он казался искренне убежденным. Этот необыкновенный человек мог увлекаться различными точками зрения, мог казаться верующим и заставлял других верить в себя.

В октябре 1791 года Наполеон попросил трехмесячный отпуск под предлогом свидания с родными и поправки здоровья и отправился на Корсику. Там, в своей среде, он приобрел приверженцев и добился звания начальника батальона национальной гвардии в Аяччо. Это назначение дало ему авторитет, известную общественную силу, и он с пылом отстаивал свои убеждения.

Его главным противником был Мариус Перальди, принадлежавший к очень влиятельному роду.

Бонапарт с лихорадочной поспешностью вербовал приверженцев своей партии. Жители Аяччо разделились на два лагеря. Члены учредительного собрания, посланные от цен-

трального управления, одним своим присутствием могли повлиять на число избирательных голосов и одержать победу.

Представитель правительства, Мюратори, остановился у Мариуса Перальди. Это имело огромное значение при подаче голосов среди конкурентов Бонапарта. Известно, какой вес имела официальная поддержка на Корсике.

Друзья Бонапарта, не имевшие возможности отразить этот удар, считали победу Перальди неминуемой. Но пылкий и упорный молодой революционер не отчаивался. Он собрал несколько наиболее надежных друзей и вечером, когда Перальди ужинал, толпа вооруженных людей ворвалась в его столовую. Прицелясь в присутствующих, они потребовали, чтобы Мюратори встал и пошел в дом Бонапарта под конвоем двух вооруженных людей.

Чиновник был ни жив ни мертв. Бонапарт вышел к нему, как будто не зная, каким образом попал к нему его гость, приветливо протянул ему руку и сказал:

– Милости просим! Я желал бы, чтобы вы чувствовали себя свободным: ведь вы не у перальдийцев. Садитесь поближе к очагу, мой милый комиссар!

Так как конвой с ружьями наготове стоял еще у дверей в ожидании приказаний Бонапарта, то Мюратори сел скрепя сердце и не заикался даже о возвращении к Перальди.

На следующий день Бонапарт был избран командиром национальной гвардии в Аяччо.

Назначение Бонапарта командиром действующей армии

не было вполне законно. Но время было революционное. Случись это в другое время, он мог бы жестоко поплатиться. Он действительно продлил свой отпуск сверх положенного срока. Причинами, побудившими Наполеона остаться во главе корсиканского войска, где он получил чин подполковника, не были ни честолюбие, ни политическое увлечение; его гений не мог бы удовольствоваться небольшим, бедным островом. На Корсике его удержал вопрос материальный, который в ту пору его жизни был крайне острым, а он всегда поступался своими интересами в пользу семьи.

В национальной гвардии он получал жалованья 162 ливра в месяц, то есть вдвое больше оклада поручика артиллерии. С этой суммой он мог быть поддержкой для своей многочисленной семьи и воспитывать брата Людовика.

Нужно заметить, что, командуя батальоном в Аяччо, Наполеон не дезертировал, как то утверждали. В то время служба в национальной гвардии считалась действительной службой.

Бонапарт в свое оправдание сослался на разрешение фельдмаршала Росси, данное ему в ожидании выяснения его положения, согласно декрету Национального собрания от 17 декабря 1791 года, которым офицерам действительной службы разрешалось служить и в рядах национальной гвардии. Но Бонапарт был смещен полковником Мальяром и явился в Париж для объяснения своего поведения и защиты своего дела перед военным министром.

Он надеялся реабилитировать себя; а пока в ожидании декрета жил в Париже в одиночестве и нужде. Обедал он обычно не у себя в гостинице, а в городе, в семье Пермон, которую он знал еще в Валенсе и дочь которых вышла затем замуж за Жюно и сделалась герцогиней д'Абрантэс. Позже Бонапарт думал сам жениться на госпоже Пермон, которая осталась вдовой и имела некоторое состояние.

Несмотря на свою бережливость, Наполеон имел в это время долги; за обеды он был должен пятнадцать франков и, как мы уже знаем, своей прачке Екатерине Сан-Жен – сорок пять франков.

У него были странные знакомства; он ежедневно общался с Жюно, Мармоном и Буррьеном. Все трое, как и он, были преисполнены надежд, но всегда нуждались в деньгах.

Утром 10 августа Бонапарт проснулся под звуки набата и побежал как простой зритель к Фовле, старшему брату его приятеля, Буррьена, который держал кассу ссуд и торговал старыми вещами на площади Карусель. Наполеону нужны были деньги, и он не желал терпеть какие бы то ни было убытки от революции; он заложил у Фовле свои часы и получил за них пятнадцать франков.

Из лавки ростовщика Бонапарт наблюдал за всеми перипетиями борьбы. Лишь в полдень, когда победа была одержана народом, он смог выйти на улицу и отправиться домой. Он шел медленно, в задумчивости, опечаленный видом трупов и полный отвращения к запаху крови.

Еще много лет спустя «великий мясник Европы», забыв все кровавые ужасы своего народа и груды трупов, сопровождавших его победоносный путь, вспоминал об этом ужасном зрелище. На острове Святой Елены он испытывал негодование и волнение, вспоминая неисчислимые жертвы швейцарцев и «рыцарей кинжала», которые попадались ему по дороге в свою квартиру в то памятное кровавое утро 10 августа.

VIII

Таков был человек, еще не известный и таинственный, к которому Екатерина Лефевр пришла в его маленькую комнату, где он с нетерпением поджидал капризную богиню счастья, все еще не решившуюся постучаться в его дверь. Казалось, все было против Наполеона. Ничто не удавалось ему, его преследовало несчастье. Вернувшись с площади Карусель в кровавое утро 10 августа, он старался в работе найти успокоение, рассеять свои заботы и забыть трагическое зрелище, которое он наблюдал из лавочки ростовщика.

Он развернул географическую карту и принялся внимательно изучать южные области, побережье Средиземного моря, Марсель и в особенности тулонский порт, где сильна была роялистская реакция и которому грозил английский флот. Время от времени он отодвигал от себя карту и, опустив голову на руки, погружался в мечты.

Пылкое воображение Наполеона разгоралось... Как при путешествии по пустыне, он видел перед собой чудесные, феерические миражи. Взятые города, в которые он въезжал победителем, верхом на белом коне, среди ликований толпы и приветствий солдат. Обстреливаемый картечью мост, по которому он шел со знаменем в руке, увлекая за собою войско и оттесняя неприятеля. Странные всадники в богатых, шитых золотом костюмах размахивали вокруг него и

над ним палашами и, вдруг останавливаясь, бросали оружие и склоняли головы в тюрбанах перед его палаткой... Потом он, торжествуя, медленно проезжал среди груд тел побежденных в далеких, разнообразных странах. Палящее южное солнце жгло его голову, снег далекого севера осыпал его плащ. Праздники, процессии, торжества... Короли покоренные, униженные, королевы, предлагающие ему свою любовь... опьянение, слава, апофеоз. Этот фантастический сон рассеивался и снова начинался, чтобы снова рассеяться, и Наполеон охлаждал пылающий лоб ладонями.

Открыв глаза, Наполеон увидел убогую и банальную обстановку своей комнаты, и этот вид вернул его к грустной действительности. Горькая улыбка скользнула по его губам; здравый смысл одержал верх над мечтами. Наполеон сознавал, что настоящее плохо, а в будущем приходилось ждать еще худшего.

Положение было отчаянное, и не представлялось никакого выхода из него. У Бонапарта не было ни денег, ни места. Военный министр оставался глух к его просьбам; друзья отсутствовали, и не было надежды на какую бы то ни было протекцию. Все честолюбивые замыслы погибли при столкновении с суровой жизнью; проекты рухнули, подобно карточным домикам.

Холод разочарования охватил душу Наполеона.

«Что предпринять?» – невольно возникал вопрос.

Как-то проходя по одной из новых улиц, Бонапарт увидел

дома, и ему пришла мысль нанять один из них и устроить меблированные комнаты. Он подумывал также и о том, чтобы совсем покинуть Францию и поступить на службу в турецкие войска.

Несмотря на безотрадную действительность, какая-то смутная надежда шевелилась в душе Наполеона и заставляла сильнее биться его сердце. Он снова брался за изучение топографии бассейна Средиземного моря; он искал на карте места, где вскоре раздастся грохот пушек. О, если бы он мог быть там, где будут громить англичан, защищая интересы французской нации!

Чтобы победить отчаяние, все сильнее охватывавшее его сердце, Наполеон постарался отогнать от себя неприятные мысли и совершенно погрузился в работу.

Два легких удара в дверь заставили Бонапарта поднять голову. Он вздрогнул, и смутная тревога закралась в его душу. Самые храбрые люди, не имея никаких средств к существованию, пугаются при внезапном появлении постороннего человека. Они смело смотрят в глаза смерти, но трусливо дрожат при мысли, что может явиться кредитор с требованием уплаты долга.

Снова раздался стук в дверь, на этот раз более сильный, чем первый.

«Это, вероятно, Можар явился со счетом», – подумал, краснея, Бонапарт.

– Войдите! – пригласил он.

Прошла минута, но никто не показывался.

– Войдите же! – нетерпеливо повторил Наполеон.

«Нет, это не хозяин гостиницы, – продолжал размышлять Бонапарт. – Жюно или Буррьен тоже не ждали бы так долго. Кто же может прийти сегодня?»

Наполеон не привык к посещениям и теперь смотрел на дверь скорее с любопытством, чем с тревогой.

Наконец дверь открылась, и в комнату вошел молодой человек в форме пехотинца. Его красивое, нежное лицо отличалось свежестью, а большие черные глаза выражали энергию. На одном рукаве блестела новая нашивка, обозначающая, что молодой солдат имеет чин унтер-офицера.

– Что вам угодно? – резко спросил Бонапарт. – Вы, очевидно, ошиблись адресом.

– Я имею честь говорить с капитаном артиллерии Бонапартом, не правда ли? – спросил молодой человек, отдавая честь.

– Да, я Наполеон Бонапарт! – ответил капитан. – Что вам угодно?

– Мое имя Ренэ! – с некоторой заминкой проговорил маленький солдат.

– Ренэ? – удивленно повторил Бонапарт, разглядывая незнакомца таким острым взглядом, точно желал проникнуть в глубину его души.

– Да, Ренэ! – более уверенным тоном подтвердил солдат. – В батальоне машенских добровольцев, где я состою на служ-

бе, меня называют также Красавчик Сержант.

– Вы вполне заслуживаете это прозвище, – улыбаясь, заметил Наполеон, – вы слишком изящны, слишком кокетливы для солдата...

– Подождите высказывать обо мне свое мнение, капитан, до того дня, когда увидите меня в бою, – смело прервал Бонапарта молодой воин.

Наполеон грустно вздохнул и пробормотал:

– Удастся ли мне когда-нибудь быть на поле сражения? Однако скажите, что вам нужно от меня, чем я могу быть вам полезен?

– Вот в чем заключается моя просьба, капитан, – начал Ренэ, – мой батальон под командой Борепэра...

– Ах, я знаю, это храбрый и энергичный воин, – перебил солдата Бонапарт. – Где же теперь ваш батальон? – с интересом спросил он, не переставая пристально вглядываться в сержанта, который поражал своей девичьей застенчивостью и нежными чертами лица.

– В Париже, – ответил сержант, – но только всего несколько дней! Мы пришли из Анже и теперь хлопочем о том, чтобы нам предоставили честь первыми перейти границу... Нас посылают на помощь Вердену.

– Это прекрасно! Как вы счастливы, что имеете возможность сражаться! – со вздохом воскликнул Наполеон. – Однако скажите же наконец, что вам от меня угодно?

– У меня есть брат Марсель, капитан, – застенчиво про-

говорил сержант.

– Вашего брата зовут Марсель? – недоверчиво спросил Бонапарт.

– Да, Марсель Ренэ, – смутившись, поспешил ответить солдат, потупясь под инквизиторским взглядом капитана. Мой брат – доктор... Его командировали как полкового лекаря в четвертый артиллерийский полк в Валенсе.

– Мой полк, или, вернее, мой бывший полк! – воскликнул Наполеон.

– Да, капитан. Я узнал от национальной гвардии, с которой столкнулся сегодня при сражении в Тюильри, что вы в Париже. Мне, между прочим, сообщил об этом Лефевр, который знает вас.

– Ах, Лефевр, это чудесный малый, – прервал сержанта Бонапарт, – да, да, я тоже знаю его. Что же сказал вам Лефевр?

– Что вы могли бы оказать протекцию моему брату, попросив командующего войсками перевести его. Одним словом, мне хотелось бы, чтобы Марселя отозвали из артиллерийского полка, который находится в Валенсе, и перевели в северную армию.

Бонапарт глубоко задумался, не спуская взгляда с красивого сержанта, который смущался все больше и больше. Повидимому, он хотел поскорее отделаться от тяготившей его просьбы и торопливо говорил, время от времени робко запинаясь.

– Марсель был бы таким образом со мной, – продолжал сержант, – я не потерял бы его из виду, мы были бы с ним вместе и, если бы его ранили, я мог бы ухаживать за ним; может быть, даже спасти от смерти! О капитан, окажите нам обоим эту огромную услугу! Если мы будем вместе, то оба станем благословлять вас, будем признательны вам на всю жизнь.

При последних словах голос молодого солдата задрожал, как будто он удерживался от рыданий.

Наполеон поднялся с места и, подойдя к взволнованному сержанту, произнес:

– Прежде всего, дитя мое, я не в состоянии ничего сделать ни для вас, ни для того господина, которого вы называете своим братом; Лефевр, вероятно, сказал вам, что я теперь не у дел. Моя рекомендация не только не принесла бы вам пользы, но, несомненно, повредила бы. В Париже у меня во-все нет знакомых, я совершенно одинок и сам должен искать для себя протекции. Я знаю здесь только одно лицо – брата влиятельного человека, бывшего депутата, Максимилиана Робеспьера, он живет близко отсюда, на улице Сент-Оноре. Пойдите к нему от моего имени; может быть, ему и удастся добиться того, в чем мне, наверное, отказали бы.

– О, благодарю вас, капитан! – радостно воскликнул сержант. – Чем я могу доказать вам свою признательность?

Бонапарт поднял вверх палец и полусмеясь, полусерьезно медленно проговорил:

– Вы можете доказать ее, храбрый воин, тем, что объясните мне, по какой причине вы облеклись в костюм, не соответствующий вашему полу?

Красавчик Сержант задрожал от страха.

– Простите, капитан, не выдавайте меня, – умоляющим тоном начал просить он. – Будьте великодушны! Не губите меня, не открывайте никому моего обмана. Да, я женщина!

– Я это заподозрил сразу же, – добродушно ответил Наполеон. – Но каким образом ни ваши товарищи, ни ваши начальники не заметили подлога – для меня совершенно непонятно.

– В нашем батальоне много совсем юных солдат без малейшего намека на усы, – ответила Ренэ. – И кроме того, я отношусь очень серьезно к своим обязанностям и точно исполняю порученное мне дело.

– Я в этом не сомневаюсь! – заметил Наполеон. – Итак, вы – доброволец, желаете вступить в северную армию и хотите, чтобы этот полковой лекарь по имени Марсель был переведен туда же. Несомненно, что он для вас ближе родного брата; я предполагаю, что ради него вы переменили костюм и подвергаетесь всем опасностям войны. Нет-нет, можете не открывать мне своей тайны! Я очень заинтересовался вами и рад оказать вам услугу. Если я буду в состоянии сделать что-нибудь для вас, то, пожалуйста, рассчитывайте на меня. А теперь пойдите к Робеспьеру-младшему и скажите, что вас послал к нему его друг Бонапарт.

Он подал руку Красавчику Сержанту, который горячо пожал ее.

Капитан следил глазами за удалявшейся, сиявшей от счастья Ренэ, и его лицо омрачилось.

– Они любят друг друга, – с завистью пробормотал он, – и оба будут сражаться за свое отечество. Счастливы! – Наполеон подошел к столу и снова начал водить пальцем по карте. Он долго с задумчивым видом смотрел на то место, где должен был находиться город Тулон, главнейшая морская южная гавань. – О, если бы я мог драться с англичанами, – тихо произнес он, – я оттуда начал бы громить их!

Палец Наполеона лихорадочно дрожал на одной точке, и он мысленно представлял себе горячий бой, в котором он уничтожал английский флот.

IX

Граф Сюржэр, обладатель замка, находившегося возле Лавая, поспешил переселиться на гостеприимный берег Рейна при первых шумных раскатах революции. Он поселился в Кобленце и решил в качестве постороннего наблюдателя следить за событиями. Номинально он числился в армии принцев, но, ссылаясь на свой возраст – хотя ему минуло всего пятьдесят лет – и на всевозможные недуги, считал себя вправе спокойно сидеть на месте под защитой королевской и императорской армий. Поспешность, с которой граф бросил свой замок, объясняется не только страхом перед санкюлотами или любовью к принцам, а еще и совершенно посторонними обстоятельствами.

После нескольких лет супружеской жизни граф овдовел. Не имея детей и никого из близких родных, граф вступил в тайную связь с женой своего соседа по имению, горячего роялиста. Со времени ночи 4 августа сосед не переставал говорить о вооружении, о необходимости бить в набат и собирать крестьян для защиты веры и старых дворянских устоев. Графу Сюржэру, ввиду его близких отношений с соседом, волей-неволей пришлось бы последовать за другом в его воинственных предприятиях. Между тем граф не проявлял никакой склонности к военному делу; он предпочитал проводить время в обществе дам, и успех у них для него был выше

всяких почестей битвы.

Помимо всех вышеприведенных соображений у графа Сюржэра была одна наиболее важная причина, заставлявшая его стремиться подальше от своего дома: его начала страшно тяготить связь с женой соседа. Дама его сердца с годами отяжелела и из легкой, грациозной сильфиды превратилась в тучную, почти квадратную матрону с огромнейшим бюстом. Из всех весомых тел наибольшей тяжестью обладает всегда та женщина, которую перестали любить; по крайней мере, так думал граф Сюржэр. Он считался человеком очень умным, любил удовольствия и не переносил слез, жалоб и угроз ревности. Отличаясь независимым характером, он не мог примириться ни с каким гнетом, и рабство любви теперь казалось ему самым ужасным.

Сюржэр долго оставался верен маркизе Лювињи, терпеливо перенося свою роль нежного друга дома, но внутренне тяготился этой связью. Если он раньше не порвал ее, то лишь потому, что нигде во всей округе не было ни одной подходящей дамы для ухаживания, а у него самого не хватало денег для того, чтобы переехать в столицу и вести жизнь придворного.

Надвигающиеся события привели наконец к развязке. Маркиз Лювињи непременно хотел вовлечь своего соседа в партизанскую войну, а маркиза требовала, чтобы граф Сюржэр сопровождал ее в странствованиях по лесам. Она собиралась изображать воинственную амазонку с пистолетами за

поясом и с белой кокардой на шляпе. Соседи Лювињи так напугали бедного графа, что он твердо решил как можно скорее уехать из своего замка. Это решение имело двойное преимущество: у графа Сюржэра появлялась возможность показать свою верность королю и вместе с тем освободиться от тяжеловесной дамы сердца и ее слишком храбро настроенного супруга. Граф был одинок и потому мог чувствовать себя совершенно свободным. В один прекрасный день он объявил, что получил предписание от графа Прованса спешно присоединиться к нему и потому должен немедленно расстаться со своими друзьями.

Из боязни, чтобы маркиз и маркиза не вздумали отказаться от своих планов и не последовали за ним, граф Сюржэр сообщил соседу, что граф Прованс поручил ему передать маркизу де Лювињи горячую благодарность за его верную службу и за старание сохранить для короля преданность народа западных провинций.

Маркиз пришел в восторг от доверия королевского дома и решил, что не имеет права покинуть свой почетный пост. Маркиза же немного поплакала, но скоро утешилась при мысли, что она будет воевать, сидя верхом на лошади, в шляпе с белой кокардой и пистолетами за поясом.

Когда граф Сюржэр попросил у маркиза разрешения поцеловать его жену на прощанье, маркиза улыбнулась сквозь слезы и подставила графу свою щеку. Целуя даму своего сердца, Сюржэр нашел возможность прошептать ей:

– Береги Ренэ! Я заеду к ней проститься.

Маркиза молча наклонила голову в знак того, что исполнит желание своего друга.

Граф, веселый, помолодевший, вскочил на свою лошадь и, посылая рукой последний привет маркизу и его жене, направился по дороге в Фужер, к чистому беленькому домику, окруженному цветущими растениями, который назывался сторожкой. Когда-то этот домик служил местом свидания для всех великосветских охотников окрестностей Маенны, а теперь в нем жил лесничий графа Сюржэра, старик Бризэ.

Граф остановил лошадь перед изгородью, окружавшей двор, и соскочил с седла, вспугнув при этом кур, рывшихся в траве, и уток, барахтавшихся в пруду, покрытом зеленой плесенью.

Собака залаяла.

– Смирно, смирно, Рамоно, – раздался чей-то громкий голос, – разве ты не узнал его сиятельства?

– Здравствуй, Бризэ! Ну, что нового у вас? – спросил граф.

– Новостей нет никаких, ваше сиятельство! – ответил старый лесничий, стоя на пороге дома.

Он был одет в бархатную куртку и высокие сапоги, на боку у него висел большой нож. Казалось, что лесничий готов каждую минуту спустить своих собак для загонки или, схватив ружье, просидеть в засаде до самого захода солнца.

Внутри дом был так же чист, как и снаружи; охотничьи

рога блестели, как зеркало; стены были украшены клыками животных и чучелами лисиц и диких коз.

– Не окажете ли вы мне чести, ваше сиятельство, войти в дом и выпить кружку сидра? – предложил лесничий.

– Я не отказал бы тебе в этом, мой милый Бризе, во всякое другое время, но сегодня никак не могу! – ответил граф. – Я уезжаю и пробуду довольно долго в отсутствии.

– Ах, ваше сиятельство, вы покидаете нас? – грустно воскликнул лесничий. – Да еще в такое беспокойное время! Что мы будем делать без вас?

– Я вернусь, старина, – поспешил граф успокоить своего слугу, – я просто хочу прокатиться для удовольствия.

– Конечно, ваше сиятельство, вполне от вас зависит уехать или остаться, – покорным тоном заметил Бризе. – Может быть, вам угодно будет что-нибудь приказать мне на время вашего отсутствия?

– Мне нечего приказывать, Бризе! – возразил граф. – Как тебе известно, исключительное право на охоту отменено; таким образом тебе, собственно, нечего делать.

Бризе печально махнул рукой.

– Это разрешение охоты вызвано отчаянием, – пробормотал он. – Если бы только этим ограничились... – Он вдруг остановился, вспомнив, что говорит с графом и своим повелителем. Слепой приверженец революции во всех ее проявлениях, Бризе становился врагом ее, когда дело касалось охоты. – Стрелять чужую дичь! – мрачно прибавил он. – Ведь

это нечто невиданное!..

— Вам придется, то есть я хочу сказать, нам всем придется еще очень многое увидеть и услышать, мой милый Бризэ, — заметил граф. — Но вернемся к тому, что привело меня сюда. Скажите мне, где Ренэ?

— Барышня Ренэ пошла с моей женой на ферму Вербуа, близко отсюда! — ответил лесничий. — Они скоро вернуться; я думаю, что через четверть часа они будут уже здесь.

— Я не могу ждать! — возразил граф. — Мне нужно еще сегодня вечером успеть в Ренн. Поцелуй за меня Ренэ. Ну, прощай, милый Бризэ, будь здоров! Я вернусь, я непременно вернусь!

Благосклонно кивнув своему слуге, граф Сюржэр затем быстро и ловко вскочил в седло и ускакал. Мысль о нежной сцене расставания с Ренэ тяготила графа, и теперь он был рад, что избежал ее. Всякие сердечные излияния были неприятны ему, но это вовсе не было доказательством того, что у него отсутствовали нежные чувства к молодой девушке.

Ренэ была дочерью графа и маркизы Лювиньи; Сюржэр по-своему любил ее, хотя довольно умеренно. Он, конечно, заботился о Ренэ, не жалел денег ей на подарки, но почти никогда не ласкал девочку и держался вдали от нее.

Сразу же по рождении Ренэ, которая, к счастью, появилась на свет во время продолжительного отсутствия маркиза де Лювиньи, девочку отдали на воспитание лесничему Бризэ

и его жене. Ребенок не знал своих настоящих родителей и лишь изредка встречался с ними случайно на прогулках или во время их редких приездов в сторожку. Эти свидания происходили почти всегда при свидетелях, так как появление важных господ привлекало массу любопытных крестьян. Таким образом Ренэ не знала тайны своего происхождения, и ей никогда не приходила в голову мысль, что величая маркиза и графа, владелец большого поместья, хозяин лесничего Бризе, приезжают изредка специально для нее, что между нею и этими людьми существует самая близкая естественная связь.

Благодаря либеральным взглядам графа Ренэ воспитывалась на свободе; она получила хорошее образование и держала себя с непринужденностью светской барышни. Еще будучи девочкой, Ренэ отлично ездила верхом, большей частью одна, без всяких провожатых. Не зная страха, она быстро мчалась по полям и лугам на маленькой лошадке, присланной из конюшни графа Сюржера. Иногда Бризе брал с собой в лес маленькую Ренэ, и девочка очень полюбила таинственный шум деревьев, шорох высохших листьев и звонкие голоса птиц.

Однажды Бризе, пообедав на свежем воздухе, крепко уснул в лесу, Ренэ, сопровождавшая своего приемного отца, тихо подкралась к спящему и унесла его ружье. Выйдя на лужайку, она прицелилась в пролетавшего мимо фазана и спустила курок. Птица тяжело упала на землю.

Ренэ стояла в первые минуты, точно ошеломленная, и с удивлением смотрела на свою жертву; но вдруг радость победы промелькнула в ее глазах. Легавая собака быстро подбежала к фазану, лежавшему на земле с распростертыми крыльями, и, схватив его, принесла своей маленькой госпоже. Ренэ ласково погладила собаку и, отняв у нее птицу, так тщательно спрятала фазана в сумку, точно оберегала какое-нибудь сокровище. Бризе проснулся и, не видя своего ружья, сильно испугался. Он думал, что браконьеры воспользовались его сном и обезоружили его. Узнав, что виновницей была Ренэ, он успокоился; правда, он слегка побранил девочку, но в душе был очень горд, что его приемная дочь оказалась такой смелой и ловкой охотницей.

С тех пор Ренэ постоянно охотилась со своим названным отцом и почти всегда возвращалась с какой-нибудь добычей. Таким образом Ренэ привыкла к долгой, утомительной ходьбе, к лишению известного комфорта, к запаху пороха и оружию.

Часто, когда Бризе, расставив силки и устроив западню, оставался в лесной чаще, высматривая браконьеров, Ренэ брала ружье и под видом охоты уходила далеко от старика. Но в такие дни зайцы, куропатки и другая дичь могли свободно наслаждаться прелестью теплого дня, так как молодая девушка не обращала на них никакого внимания. Она спешила к тенистому уголку, расположенному на берегу реки, возле мельницы, где за стеной высоких тополей образовалась

как бы беседка. Ренэ привлекали не прохлада и тишина этого уединенного места, не журчанье ручейка, а нечто другое: сын мельника, Марсель, постоянно приходил сюда с книгой. Увидев Ренэ, Марсель бросал книгу и спешил навстречу молодой девушке.

Ренэ было в то время семнадцать лет, а Марселю пошел двадцатый год. Марсель был сыном зажиточного крестьянина-мельника и приходился племянником приходскому священнику. Благодаря своему дяде он выучил латынь и должен был сделаться духовным лицом, но служение церкви не прельщало юношу. Он страстно любил природу и потому хотел посвятить себя естественным наукам. Священник дал своему племяннику возможность подготовиться к деятельности медика, и Марсель даже прослушал курс анатомии у одного доктора, друга его дяди. Юноша прилежно учился и успешно сдал вступительный экзамен в городе Рене.

Всеми своими мечтами он делился с Ренэ, которая очень часто под предлогом охоты приходила к мельнице. Молодой человек представлял себе свою жизнь сначала в Ренне, а потом в Париже, где он приобретет славу и деньги и сможет помогать всем страждущим и убогим. Марсель отличался нежной, отчасти сентиментальной душой. Он был горячим поклонником Руссо и преклонялся перед природой. Он не понимал национального патриотизма, называл себя гражданином всего мира и утверждал, что не должно существовать никаких отдельных государств, что люди всего мира равны и

имеют одно общее отечество — земной шар. Марселью удалось познакомиться с некоторыми трудами греческого философа Анаксагора, он проникся его учением и мечтал о всемирной республике.

Развивая свои планы на будущее, Марсель присоединял к ним и Ренэ. Она должна была ехать с ним в Париж в качестве его любимой жены. Хотя молодые люди до сих пор еще не объяснялись в любви, но твердо были уверены в чувствах друг друга; и каждый из них давно решил в глубине своей души, что никогда не расстанется с предметом своей страсти. Казалось, что не существовало никаких препятствий для их брака; оба были почти одинакового возраста, нравились друг другу, и их общественное положение было тоже одинаково. Марсель, сын мельника, был вполне подходящей партией для дочери графского лесничего.

Однажды старушка Туанон, жена Бризэ, собирала траву на берегу ручья для своих кроликов и невольно подслушала разговор молодых людей. В это время Марсель как раз говорил Ренэ, что надеется назвать ее своей женой. Старушка слегка пожурила молодую девушку и, к величайшему удивлению Марселя, намекнула, что для их брака может явиться серьезное препятствие со стороны Ренэ. Сын мельника, обладавший известным состоянием, мог еще рассчитывать на сопротивление со стороны своего отца, ввиду того, что Ренэ была бедной девушкой, но совершенно не мог понять, о каком препятствии говорит Туанон.

Когда граф Сюржэр неожиданно покинул свое поместье, а затем разнеслась весть, что он эмигрировал за границу для того, чтобы присоединиться к принцам, старушка Бризе пошла к молодым и лукаво проговорила:

– Ну, милые дети, если у вас еще не пропала охота пожениться, то вам нужно теперь просить разрешения только у одного мельника.

Марсель никак не мог понять, почему вдруг исчезло то препятствие со стороны Ренэ, о котором недавно говорила Туанон, но не желал ни о чем расспрашивать ее и поспешил объявить своему отцу, что хотел бы жениться на Ренэ.

Мельник ответил, что ничего не имеет против молодой девушки, но тем не менее старался отговорить сына от этого брака.

– Ты еще очень молод, – сказал мельник, – тебе нужно много работать, достичь положения и только потом думать о женитьбе!

Одним словом, он сказал все то, что говорят обычно родители, когда находят невесту или жениха неподходящими и стесняются почему-нибудь отказать прямо.

Пораженный отношением отца к его заветной мечте, Марсель старался понять настоящую причину этого отказа. Молодой человек не допускал мысли, что мельник считает дочь лесничего недостойной женой для него. Ссылке на молодость Марсель тоже не придавал никакого значения.

Наконец жена мельника открыла Марселю, в чем заклю-

чается суть. Матери обычно не умеют хранить тайны, когда вопрос касается счастья их детей, этому правилу не изменила и жена мельника. Она рассказала Марселю, что нотариус Бертран ле Гоэц, управлявший всеми имениями графа и бывший полновластным хозяином в отсутствие Сюржэра, питает нежные чувства к хорошенькой Ренэ и собирается просить ее руки у Бризе.

Марсель глубоко опечалился сообщением матери, а гнев и ревность еще усилили его страсть к молодой девушке.

Отвратительный старый Бертран, о котором говорят так много дурного, осмеливается быть соперником Марселя! Конечно, Ренэ не могла любить безобразного старого нотариуса, она не приняла бы его предложения, с этой стороны не о чем было беспокоиться; но Марселя страшно пугала мысль, что лесничий, из боязни потерять место, заставит свою дочь согласиться выйти за Бертрана. Граф Сюржэр, уезжая, дал широкие полномочия своему управляющему, и тот мог рассчитать каждого, кто показался бы ему лишним.

Однако опасения Марселя были напрасны: Бертран ле Гоэц не мог отказать Бризе – старому, опытному лесничему графа – без какой-нибудь особенно веской причины, тем более что Бризе служил образцом честности и порядочности для всех окрестных лесничих и егерей.

Хитрый нотариус прекрасно сознавал это и потому стал искать поддержки своим планам у мельника. Отец Марселя арендовал у графа землю, необходимую для благосостоя-

ния мельницы, и от Бертрана зависело, продолжить ли договор об аренде или уничтожить его; в последнем случае мельник был бы совершенно разорен. И вот Бертран, нисколько не стесняясь, заявил мельнику, что отдаст ему на будущий год землю лишь при том условии, что Марсель порвет всякую связь с Ренэ и никогда не будет встречаться с ней. Если же этого не произойдет, то Бертран собирался уничтожить договор и заставить мельника переселиться в какое-нибудь другое место.

Когда Марсель узнал о планах и условиях нотариуса, он пришел в ярость и объявил, что «пойдет в контору старой обезьяны и переломает ему ребра». Мать отговорила его от этого безумного поступка, напомнив Марселю, что нотариус обладал большим влиянием и любил мстить своим врагам.

По своим взглядам Бертран был самым страшным, кровавым революционером. Он не переставал говорить о казнях, требовал, чтобы без всяких колебаний рубили головы всем противникам революции. Он переписывался с самыми влиятельными агитаторами в Париже и легко мог уничтожить всякого, кто стал бы ему поперек дороги. С таким гражданином нельзя было не считаться и опасно было шутить над ним.

– Что же мне делать? – в отчаянии воскликнул Марсель.

– Уехать отсюда, – ответила мать, – и не думать больше о Ренэ. Поезжай в Рен, продолжай заниматься; скоро ты станешь известным доктором, успокоишься и, может быть, най-

дешь счастье.

Молодой влюбленный молча покачал головой и погрузился в глубокое раздумье. Он не хотел ни покоя, ни другого счастья, кроме брака с Ренэ; да оно было и немислимо для него без его возлюбленной. Марсель решил сначала, что никуда не уедет, но и не уступит нотариусу любимой девушки.

«А впрочем, не лучше ли будет покинуть эту старую Европу, с ее ужасами кровопролитных войн и междоусобиц? – вдруг изменил свой план Марсель. – Я буду прекрасно чувствовать себя в свободной, независимой Америке. Там я стану учиться, работать и сделаюсь полезным гражданином. Ренэ, конечно, поедет со мной».

Вечером в день решительного разговора с матерью Марсель встретил Ренэ в обычном месте, на берегу ручья. Песня, которую напевала молодая девушка, казалась особенно грустной среди сумерек угасающего дня. На западе виднелась красная полоса заходящего солнца, скрывшегося за темно-серыми облаками. На востоке медленно поднималась луна, обливая серебристым светом ветви высоких и стройных тополей.

Марсель и Ренэ сидели, взявшись за руки, на траве и следили взглядом за бледным месяцем, плывущим в необъятном небе. Минута была торжественная. Словно пение птиц, раздавались в ночной тиши голоса влюбленных молодых людей.

– Я люблю тебя, Ренэ, и никогда никого не буду любить,

кроме тебя! – горячо произнес Марсель.

– Я думаю только об одном тебе, Марсель, мое сердце навсегда принадлежит одному тебе! – нежно ответила Ренэ.

– Мы никогда не расстанемся! – воскликнул Марсель.

– Всегда, всегда будем вместе! – подтвердила его невеста.

– Ничто не будет в силах разлучить нас!

– Мы не расстанемся до самой смерти.

– Поклянись, что ты всюду последуешь за мной, моя Ренэ!

– Клянусь следовать за тобой всюду, куда ты пойдешь, Марсель!

– Мы вечно будем любить друг друга!

– Пусть эти ветви, эмблемы свободы, пусть эти деревья, являющиеся колоннами в храме Природы, пусть эти вековые тополя примут мои клятвы и будут свидетелями! – сказал Марсель с той напыщенностью, которая в те времена царила как в оборотах речи, так и в жестах, и, словно присягая, протянул руку к деревьям, которые были в особенном почете у революции как символы нации.

Ренэ последовала примеру Марселя: протянув руку, она тоже поклялась вечно любить и повсюду следовать за тем, кого она добровольно признала своим нареченным под тополями, посеребренными ласковым светом луны.

X

Когда молодые люди скрепили целомудренным поцелуем клятвы, которыми только что обменялись в ясном свете луны, озарившей все небо и пронизавшей даже закатные туманы, им показалось, словно сзади них послышался шорох листвы, за которым последовал пронзительный совиный крик. Крик этого зловещего вещуна смутил их нежный восторг. Они испуганно поднялись, и тайная скорбь вдруг стеснила их сердца.

Марсель взял камень и, чтобы спугнуть назойливую птицу, кинул его в густую заросль ветвей, откуда послышался крик.

– Пошла прочь, мерзкая сова! – крикнул юноша, со злобой поглядывая на темную листву, где в каком-нибудь дупле засел этот ревнивый свидетель их нежности.

Но из темной чащи не вылетела никакая птица. Вместо шума крыльев наши влюбленные услышали звук чьих-то шагов, и им показалось, будто там, в густой купе деревьев, язвительно захохотал человек.

Значит, их накрыли, выследили, подслушали?

Влюбленные вернулись в деревню опечаленные, молчаливые, обеспокоенные.

– Меня пугает это дурное предзнаменование, – сказала Ренэ, когда они прощались на луговине, окружавшей сторожку.

— Ну, вот еще, — возразил Марсель, стараясь успокоить девушку, — это просто какой-нибудь шутник дурного тона, захотевший позабавиться на наш счет, человек, позавидовавший нашему счастью... Не будем даже и думать об этом, крошка! Мы любим друг друга, мы поклялись в вечной верности, и ничто не сможет разлучить нас!

Тем не менее они расстались, взволнованные этим предупреждением, которое им было дано. Значит, кто-то хотел помешать им быть счастливыми? Но кто же мог выслеживать и грозить им таким образом? Кому могло быть не по душе их счастье? И сейчас же Марселю пришла в голову мысль о словах мельничихи о Бертроне ле Гоэце, который желал обладать Ренэ, но он старался разубедить себя в таком необоснованном подозрении.

«Бертран ле Гоэц — очень злой и ревнивый человек, — сказал он себе, — но что же он может иметь против нас, раз Ренэ любит меня и поклялась не принадлежать никому, кроме меня?»

Тем не менее Марсель твердо решил быть настороже и следить за деревенским нотариусом.

Опасения, всплывшие у него, не были лишены некоторого основания. Ле Гоэц все чаще заходил на мельницу. Он вторично предупредил отца Марселя, что срок аренды истекает в самое ближайшее время и что мельник не может рассчитывать ни на какое возобновление договора. На основании доверенности, выданной ему графом де Сюржэром, он

предпишет мельнику очистить арендуемые земли и не потерпит никаких отсрочек в этом. В то же время нотариус предупредил отца Марсея, что если тот пошлет сына в Ренн и заставит его отказаться от всяких надежд на брак с Ренэ, то он согласится на продление срока аренды.

Мельник находился в сильном замешательстве: сын настаивал на своих намерениях и клялся, что все-таки женится на Ренэ, несмотря на Бертрана ле Гоэца; со своей стороны, и молодая девушка ответила категорическим отказом на все увещевания влюбленного нотариуса.

Тогда Бертран ле Гоэц решил силой разлучить молодых людей.

Вся Франция бралась за оружие, со всех сторон в муниципалитеты стекались добровольцы, требовавшие ружей и пик, желая умереть за родину. Нотариус в качестве председателя коммуны созвал одним воскресным утром всех местных молодых людей и обратился к ним с пламенным воззванием: надо было отправиться в Рен, чтобы пополнить состав батальона от Иль-э-Вилен. Тут же многие высказали желание стать под ружье, записались волонтерами и на следующий день выехали к месту сбора. Тогда Бертран ле Гоэц стал повсюду кричать о дурном примере и подлости тех, кто, будучи молодыми, сильными, способными носить ружье, старались увернуться от чести защищать родину, предпочитая нежиться в обществе стариков и девушек.

Это было явно направлено против Марсея. Поэтому, по-

нимая, какую выгоду для себя может извлечь ле Гоэц из подобного положения дела, Марсель отправился к лесничему и застал ла Бризэ за чисткой ружья, которое он смазывал салом, насвистывая охотничью песенку.

Ренэ что-то шила около жены лесничего и удивленно вскрикнула, когда увидела Марселя, решив, что, очевидно, случилось какое-то несчастье. Она взглядом обратилась к нему, прося сказать, в чем дело.

– Дедушка ла Бризэ, – сказал молодой человек взволнованным голосом, – я пришел проститься с вами и Ренэ... Я уезжаю...

– Боже мой! – вскрикнула девушка, хватаясь рукой за сердце. – Почему же вы покидаете нас, Марсель? Неужели этот злой ле Гоэц все-таки хочет отнять землю у вашего отца?

– Я должен уехать не только из-за этого...

– А куда ты отправляешься? – спокойно спросил Бризэ, продолжая натирать ружейный замок.

– Не знаю... Перед всей деревней меня упрекнули в подлой трусости... Но я вовсе не из трусости не берусь за ружье; правда, я смотрю на войну как на страшный бич человечества, а люди, которые дают вести себя в сражение, словно бараны на бойню, по-моему, просто сумасшедшие, как это ясно доказал Жан-Жак Руссо, мой учитель! Ну к чему они жертвуют собою во имя интересов, которые несколько не касаются их? Одна только война может быть справедливой –

это та, когда рабы стремятся разрубить свои оковы, война свободы против тирании, и даже сам Жан-Жак Руссо одобрил этот род войны!

– Так ты, значит, попал в рекрутчину? – спросил ла Бризэ. – Но это хорошо, очень хорошо... ты поступил так же, как и все... Ты brave парень! Ступай и перебей побольше этих разбойников-пруссаков... Жалко только, что ты никогда еще не стрелял из ружья! Ты не похож на Ренэ... Вот из нее вышел бы славный солдат! Ну, да со временем научишься! Только не вешай носа, Марсель!

Ренэ вскочила, близкая к обмороку, смертельно бледная.

– Я уезжаю отсюда, – со всевозрастающим волнением продолжал Марсель, – потому что не могу больше жить посреди вечных угроз и оскорблений... Дедушка ла Бризэ, я с отцом и матерью отправляюсь в Америку...

– Как? – воскликнул лесничий, изумленный до того, что даже ружье выпало у него из рук. – Значит, ты отправляешься вовсе не в армию? Да что тебе делать в Америке-то, господи!

– Я хотел бы, – продолжал молодой человек с приливом энергии, – чтобы вы позволили мне взять с собой в качестве жены вашу дочь Ренэ. Там мы создадим семью, там мы будем счастливы под вековыми деревьями девственных лесов.

Ренэ бросилась к ла Бризэ, умоляя его:

– Папа! Папа! Поедем с нами в эту Америку, которой я не знаю, но которая должна быть очень хорошей, раз Марсель

говорит, что там хорошо жить.

Лесничий взволнованно встал и посмотрел на жену, которая, казалось, ничего не слыхала, так как спокойно продолжала водить взад и вперед иглой.

– Вот так штука! Увезти Ренэ в Америку! Жениться на ней! Ну а ты что скажешь на это, старуха?

Старушка ла Бризе перестала шить и, подняв голову, сказала язвительным тоном:

– Скажу, что все это – одни глупости, только и всего! Пора кончать с этим. Ну-ка, расскажи всю правду этим воркующим голубкам! Они не знают, что они неровня друг другу. Так объясни им это!

Тогда ла Бризе открыл Ренэ, что она дочь графа де Сюржэр и не может стать женой мельника.

Ренэ, пораженная и опечаленная, проклинала знатность своего происхождения, ставшую преградой между ними. Но она подумала, что раз, как говорил ла Бризе, ее отец уехал, бросив ее на попечение приемных родителей, то он в силу этого потерял всякие права на нее и не мог помешать отдаться любимому человеку. В силу незаконности рождения она оказывалась вне светских условий, так почему же ей не порвать с ними окончательно?

Повсюду носились идеи революции, и в самых спокойных умах, даже в душе такой молодой девушки, как Ренэ, она посеяла зародыши независимости и свободы.

Со своей стороны и Марсель погрузился в раздумье. Про-

исхождение Ренэ переворачивало вверх дном все его проекты и сбивало его с толку. Само по себе благородство этого происхождения не казалось ему препятствием – революция стерла все привилегии и объявила всех людей равными. Но Ренэ была богатой. Она уже не могла следовать за сыном разорившегося мельника: то, что на самом деле было только любовью и пылом юности, впоследствии могло бы показаться преступным расчетом с его стороны, чем-то вроде подлого обольщения. Нет! Он не смел принять жертву, на которую была готова Ренэ... Он уедет, заставит себя забыть ее, постарается найти вне пределов Франции если не счастье, то по крайней мере забвение, отдых, он один уедет в Америку.

Его решение было быстро принято: он сейчас же отправится объявить о том, что собирается эмигрировать, воздвигнуть расстоянием преграду между собой и объектом своей любви.

Вдруг в дверь постучали. Ла Бризе пошла отворить.

Появился Бертран ле Гоэц. Он был опоясан шарфом; его сопровождали двое окружных комиссаров в треуголках с трехцветными перьями и значками муниципальных делегатов.

В то время как ла Бризе выразил удивление по поводу этого появления, ле Гоэц сказал, обращаясь к одному из комиссаров и указывая на молодого человека:

– Гражданин, вот Марсель! Приступите к исполнению своих обязанностей!

– Вы хотите арестовать меня? – с изумлением спросил Марсель. – Что же я сделал?

– Мы просто пришли спросить тебя, гражданин, – ответил один из комиссаров, – правда ли, что ты собираешься уезжать, покинуть свой очаг, свое знамя, как это заявил твой отец-мельник?

– Я в самом деле имел это намерение.

– Ну вот видите! – с торжеством сказал ле Гоэц, призывая комиссаров в свидетели сказанного Марселем. – Значит, ты хочешь эмигрировать? Хочешь воевать против родины? Разве ты не знаешь, что закон карает тех, кто эмигрирует в данный момент? Отвечай!

– Я не дезертирую, а эмигрирую. Но я не могу больше жить здесь. Меня с семьей гонит отсюда бедность. Я хотел поискать под другим солнцем работы и свободы!

– Свобода – под знаменами нации, – ответил ему первый комиссар. – Что же касается работы, то нация даст тебе таковую! Ты врач, как нам говорили?

– Я собираюсь быть им: мне остается только получить диплом...

– Ты получишь его... из полка.

– Из полка? Что вы хотите сказать этим?

– У нас на тебя есть реквизиционный ордер, – сказал второй комиссар. – В наших армиях недостаток врачебного персонала, и нам с коллегой поручено позаботиться пополнением его. – Он протянул пораженному Марселю какую-то бу-

магу и продолжал: – Подпишись вот здесь и в течение суток изволь отправиться в Анже. В штабе тебе скажут, к какому полку ты будешь причислен!

– А если я откажусь подписать?

– Мы немедленно арестуем тебя как дезертира, как эмигранта и пошлем тебя в Анже... но уже в тюрьму! Ну же, подписывай!

Марсель остановился в нерешительности.

Бертран ле Гоэц мигнул комиссарам и сказал им вполголоса:

– Вы сделали бы лучше, если бы послушались меня и сразу арестовали его. Он не подпишет, это аристократ, враг народа!

Ла Бризе с женой молча и смущенно смотрели на эту сцену. Тем временем Ренэ подошла к Марселю, взяла перо и, подав его, шепотом сказала:

– Подпиши, Марсель... так нужно. Я хочу, чтобы ты подписал!

– Значит, вы хотите, чтобы я покинул вас, чтобы я оставил вас беззащитной против всех покушений этого негодяя? – сказал он, показывая на ле Гоэца.

Ренэ, наклонившись к самому его уху, продолжала:

– Подпиши! Я разыщу тебя... клянусь!

Марсель изумленно посмотрел на нее и тихо сказал:

– Ты? Среди солдат? Ты – в армии?

– А почему бы и нет? Я умею обращаться с ружьем, спроси

у отца! Я не в тебя! Да ну же, подписывай!

Марсель взял перо и нервно подписал согласие на вступление на военную службу, а затем спросил, обращаясь к комиссарам:

– А куда следует идти?

– В Анже. Там формируют батальон из Майен-э-Луар. Желаю счастья, гражданин врач!

– Привет, гражданин комиссар!

– Ну а мне ты и словечка не скажешь? – насмешливо спросил ле Гоэц.

Марсель указал ему на дверь.

– Ты совсем напрасно сердишься на меня. Теперь, когда ты добрый санюлот и служишь отечеству, я возвращаю тебе свое уважение, Марсель! А чтобы доказать тебе это, я даже готов возобновить арендный договор с твоими родителями! – сказал нотариус с натянутым смехом.

Бертран ле Гоэц ушел, потирая руки. Теперь-то он возьмет свое! Соперник отправляется далеко, к врагам. Вернется ли он когда-нибудь оттуда? В его власти останется Ренэ, происхождение которой он знал и которая, став его женой, принесет ему в приданое часть владений графа де Сюржэр. Ле Гоэц уже видел себя хозяином и собственником этих обширных поместий, сторожем которых был в настоящее время. Он может оказать ряд любезностей родителям Марселя, оставит им их землю. Тогда они станут его верными союзниками и Марсель будет не в силах восстановить их против

него. Все благоприятствовало ле Гоэцу, и он предвкушал радость объезжать поместья графа уже не в качестве управителя, а как настоящий хозяин, рядом с Ренэ, которая во что бы то ни стало будет его женой. По закону граф де Сюржэр как эмигрант потеряет все права на них, ну, а уж права наследницы он, ле Гоэц, сумеет заставить признать.

Тем временем Ренэ, заявив ла Бризе и Туанон, что, несмотря ни на какого Бертрана, она все-таки не полюбит никогда никого, кроме Марселя, и что последний все-таки будет ее мужем, с наступлением вечера отправилась на место обычных свиданий на берегу ручья под тополями. Там она застала печального и очень обеспокоенного Марселя. Его рука дрожала, словно в лихорадке, и слезы катились из глаз. Она постаралась ободрить его, повторила свое обещание отыскать его в полку, а так как он снова выразил недоверие, то она с уверенностью сказала ему:

– Ну, вот увидишь! Разве из меня не выйдет славного солдата? – И она, смеясь, прибавила: – Господи! Я не разделяю твоих взглядов на войну! Я не философствую, а просто люблю тебя и последую за тобой всюду!

– Но усталость... переходы? Ружье тяжело, а ранец оттягивает плечи. Ты не имеешь понятия о всех тяготах войны, бедная девочка! – сказал Марсель, чтобы отговорить ее от этого замысла, который казался ему безумием.

– Я достаточно сильна, да, кроме того, ко всему можно привыкнуть! Каждый день на войну отправляется масса мо-

лодых людей, и среди них очень много таких, которые гораздо слабее меня. Да и на их знамени нет, как у меня, их любви! — хвастливо ответила девушка.

— Ну, а если ты будешь ранена?

— Да ведь ты врач! Ты будешь ухаживать за мной и вылечишь меня!

Через несколько дней после этого на рассвете можно было видеть, как по дороге, ведущей в Анже, быстро шагал молодой человек, перекинув через плечо палку, на конце которой был узелок с бельем; этот юноша был одет в мундир национальной гвардии. По прибытии в Анже юноша явился в мэрию, где и записался волонтером в батальон из Майен-э-Луар под именем Ренэ Марсель, сына Марселя, мельника в Сюржэре. Молодой человек заметил при этом, что хочет попасть в полк, где служит лекарем его старший брат Марсель.

Ренэ была зачислена в полк без всяких затруднений.

Никто не заподозрил ее пола. Во времена тогдашнего всеобщего смятения и самопожертвования на благо родины случаи поступления женщин в солдаты встречались неоднократно, и в батальонах революции служило немало рекрутов женского пола. В золотых книгах военных летописей республики еще сохранилось много безвестных имен героических амазонок, оказавших в качестве простых солдат много славных услуг родине.

В батальоне из Майен-э-Луар, где Ренэ скоро добилась серебряных нашивок и заслужила прозвище Красавчик Сер-

жант, ей пришлось вскоре испытать жестокое разочарование. Ей не суждено было долго оставаться подле того, ради которого она пошла на эту жертву: приказ свыше заставил лекаря Марселя перейти в четвертый артиллерийский батальон, где не хватало докторов и который спешили двинуть на Тулон.

Расставание было очень тяжелым. Необходимость сдерживать свою скорбь и таить слезы, чтобы не выдать истины посторонним наблюдателям, усиливала страдание разлуки. Но влюбленные дали друг другу слово, что каждый из них сделает все возможное, чтобы им снова очутиться вместе.

Мы уже видели, как Красавчик Сержант хлопотал у капитана Бонапарта, из чего знаем, насколько Ренэ старалась поскорее соединиться с возлюбленным.

Благодаря протекции Робеспьера-младшего, бывшего в дружбе с Бонапартом, желаемый перевод был получен, и мы вскоре встретим под командой Борепэра, геройского защитника Вердена, Ренэ, воодушевленную любовью, и Марселя, философа-гуманиста, ученика Жан-Жака Руссо, апостола мира и международного братства, гражданина мира, как он называл себя после своего несколько невольного поступления в полк.

XI

После ухода Красавчика Сержанта Бонапарт, замкнувшись в себе, снова взялся за работу. Раскинув карту, он представлял грандиозные проекты защиты побережья Средиземного моря, завистливо поглядывая на горы, отделявшие Францию от Пьемонта, ключа Италии.

Стук в дверь заставил его очнуться от этих стратегических расчетов.

«Ну кто там еще? – нетерпеливо подумал Наполеон, недовольный тем, что ему опять помешали. – Сегодня какой-то приемный день у меня!»

– Кто там? – громко крикнул он.

– Это я, – ответил женский голос. – Екатерина, прачка!

– Войдите! – буркнул Наполеон.

В дверях появилась Екатерина с корзиной в руках; она казалась несколько смущенной.

– Не беспокойтесь, капитан, – почти робко сказала она. – Я просто принесла вам ваше белье. Я подумала, что оно может понадобится вам.

Не поднимая глаз, Бонапарт буркнул:

– Белье? Хорошо... Положите его на кровать!

Екатерина чувствовала себя очень смущенной. Она не решалась ни тронуться с места, ни поставить корзину, которую продолжала держать в руках. Она думала: «У меня, должно

быть, очень глупый вид. Но я ничего не могу поделать с собой – этот человек внушает мне невольное уважение!»

Та, которую во всем квартале Сен-Рок звали Сан-Жен и которая постоянно оправдывала это прозвище, на этот раз явно чувствовала себя стесненной. Она посмотрела на постель, которую ей показал Бонапарт, взяла корзину в другую руку и помяла в кармане передника принесенный счет, не решаясь предпринять что-либо. Она испытывала как раз сильные денежные затруднения.

Бонапарт продолжал рассматривать карту, разложенную на столе, даже не замечая присутствия прачки.

В конце концов Екатерина принялась покашливать, чтобы обратить на себя его внимание.

«А капитан-то не очень галантен! – думала она. – Конечно, я порядочная женщина и не пришла к нему для... глупостей, но стою же я того, чтобы он хоть посмотрел на меня!»

Уязвленная в своем женском самолюбии, она снова принялась покашливать.

Бонапарт поднял голову и нахмурил брови.

– Как, вы все еще здесь? – не особенно-то любезно сказал он. – Что вам нужно? – продолжал он после короткого молчания с обычной для него резкостью.

– Да... но... гражданин... извините – капитан. Я хотела сказать вам... ну, словом, я выхожу замуж! – поспешно закончила Екатерина.

Она была красная как рак. Под полотняной кофточкой

бурно волновалась пышная грудь. Капитан решительно заставлял ее терять обычный апломб.

— А, вы выходите замуж? — холодно заметил Бонапарт. — Ну что же, тем лучше для вас. Желаю вам счастья! Надеюсь, что вы выходите замуж за славного парня, наверное, за какого-нибудь прачечника?

— Нет, капитан! — поспешно ответила Екатерина, почувствовав себя задетой. — Мой суженый — солдат... сержант!

— А, это очень хорошо! Вы хорошо делаете, что выходите замуж за военного, мадемуазель, — произнес Бонапарт более любезным тоном. — Быть солдатом — значит быть вдвойне французом. Желаю вам счастья!

Наполеон хотел снова приняться за работу, мало интересуясь любовными делами своей прачки; тем не менее он не мог не улыбнуться при виде волнующегося корсажа Екатерины, здоровья, которым так и дышали ее щеки, и всей ее бодрой, задорной фигуры, совершенно не вязавшейся со скромной миной и видом недотроги, с которым она приносила ему белье. Его всегда особенно тянуло к полным женщинам; тощий, голодающий офицер, как и нервный первый консул, как и пузатый император, любил касаться пышных, аппетитных форм.

Полная силы красота Екатерины заставила Наполеона оторваться на минутку от своих стратегических занятий; с некоторой, уже в то время свойственной ему грубостью

он быстро кинулся к молодой прачке и дерзко схватил ее за грудь.

Екатерина слегка вскрикнула.

Будущий победитель при Арколе был не из тех, кто станет колебаться в подобных случаях. Началась атака. Наполеон удвоил быстроту натиска и прижал Екатерину, вынуждая ее сесть на край кровати, она же отважно, лицом к лицу встретила неприятеля и стала защищаться, но без ложного стыда, не стараясь показать вид оскорбленной невинности. А так как Наполеон, забывая о Тулоне, очевидно, хотел ускорить победу, то для защиты она выставила перед собой в виде бастиона корзину от белья и сказала изумленному атакующему:

– Нет, нет, капитан! Слишком поздно. Вам не взять меня... я уже капитулировала. Что сказал бы мой муж!

– В самом деле! – ответил Бонапарт, приостанавливая враждебные действия. – Значит, этот брак вполне серьезен?

– Очень серьезен... и я пришла, чтобы объявить о замужестве и предупредить вас, что не буду больше стирать на вас.

– Вы закрываете заведение, красавица?

– В настоящее время прачечное дело идет очень плохо. Кроме того, я хочу следовать за мужем.

– В полк? – с удивлением спросил Бонапарт.

– А почему бы и нет?

– Это уже бывало! – заметил Наполеон и, вспомнив о Ре-

нэ, которая поступила в солдаты, чтобы быть около Марселя, он пробормотал: – Право, кажется, в армии теперь будут одни только воркующие парочки! – Затем он сказал вслух насмешливым тоном: – Значит, вы будете теперь учиться заправлять ружье в двенадцать приемов, а быть может, даже и управляться с пушкой?

– С ружьем я уже умею обращаться, а что касается пушки, то мне легко было бы научиться под вашим руководством. Но мой муж служит в пехоте, – прибавила она смеясь. – Нет, я не буду стрелять... если не придется в силу необходимости. Но ведь полки нуждаются в маркитантках, и я в этой роли буду служить товарищам моего мужа. Надеюсь, что и вы тоже будете моим клиентом, капитан, если только будете служить в наших краях!

– Обязательно запишусь в ваш обоз. Но только не теперь! Министр не дает мне ни сражаться... ни... – Он хотел сказать: «ни есть», но сдержался и окончил свою фразу следующим образом: – Ни тратиться на маркитанток. Это будет позднее, немного позднее, дитя мое! – со вздохом прибавил он и, объятый печальными мыслями, вернулся обратно к рабочему столу.

Екатерина медленно стала раскладывать белье по кровати, как ей указал клиент; ее сердце теснили печаль и сочувствие к этому молодому человеку, которому приходилось во всем отказывать себе. Затем она сделала ему реверанс, подошла к двери, открыла ее и сказала:

– Простите, я по неосторожности прожгла утюгом одну из ваших рубашек. Я заменила ее новой... вы найдете ее там, среди кальсон и платков. До свидания, капитан!

– До свидания... в вашей маркитантской палатке, красавица! – ответил Бонапарт и сейчас же вновь погрузился в свои занятия.

Спускаясь по лестнице гостиницы «Мец», Екатерина пробормотала:

– Я принесла ему счет... но так и не решилась подать его. Ба! Он мне когда-нибудь заплатит... Я верю в этого парнишку! Не то что гражданин Фушэ. Я-то уверена, что он пробьет себе дорогу!

Затем она подумала, внутренне смеясь и окончательно приходя в хорошее расположение духа под влиянием забавного воспоминания: «А как боролся со мной капитан! О! Он все-таки оторвался от своих бумаг. Нечего сказать, он быстр на руку. Ну что же, это хоть немного развлечет его. Этому бедному юноше представляется не так-то много случаев покуражиться! – Слегка покраснев, она прибавила: – Подумать только, что если бы он захотел... О, не сегодня, но прежде, еще до того, как я влюбилась в Лефевра! – Екатерина прервала свои сожаления о неразделенной в прошлом симпатии этого худого и печального артиллерийского офицера и весело продолжала: – В конце концов, я даже и не думаю об этом... а он так и никогда не думал. Ну-ка посмотрим, в прачечной ли Лефевр? Вот этот меня сильно любит, и я

уверена, что из него выйдет лучший муж, чем из капитана Бонапарта».

Не успела Екатерина вернуться в свою прачечную, как на улице раздались крики и возгласы радости. Она открыла дверь, чтобы посмотреть, что там происходило.

Все соседи были взволнованы, Екатерина увидела Лефевра без ружья, без амуниции, но с саблей в руках, на которой красовался золотой дракон. Его окружили товарищи, которые словно устроили ему триумфальный кортеж.

– Катрин, я лейтенант! – воскликнул он радостным тоном, обнимая невесту.

– Да здравствует лейтенант Лефевр! – кричали национальные гвардейцы, поднимая над собой треуголки и ружья.

– Прибавьте, товарищи, – сказал новоиспеченный лейтенант, представляя Екатерину: – «Да здравствует гражданка Лефевр!..», потому что вот моя будущая жена!.. Мы обвенчаемся на будущей неделе!

– Да здравствует гражданка Лефевр! – крикнули восхищенные гвардейцы.

– Да здравствует мадам Сан-Жен! – подхватили сбежавшие кумушки.

– Пусть они не кричат так громко, – шепнула на ухо Екатерина жениху, думая о Нейпперге, лежавшем в соседней комнате. – Они разбудят нашего раненого.

В это же время в маленькой комнатке гостиницы «Мец» артиллерийский офицер без жалованья и места окончил изу-

чение карты и принялся методически складывать на сосновую полочку белье, принесенное Екатериной.

– Батюшки! Да она даже и счета не оставила! – сказал будущий император. Но в глубине души он был очень доволен такой забывчивостью, так как в противном случае ему пришлось бы сознаться в своей несостоятельности. Прикидывая в уме общий счет своих долгов, он сказал: – Я должен ей по крайней мере тридцать франков, а может быть, и больше... Черт! Постараюсь заплатить ей из первых же денег. Эта Катрин – славная девушка, и я не забуду ее.

Он оделся, чтобы идти обедать к друзьям Пермонам.

Много лет Наполеону не приходилось вспоминать об этом долге. Только много времени спустя ему вдруг предъявили забытый счет прачки, что случилось в совершенно неожиданный для него момент. Но читатели еще встретятся с этим, если захотят последовать за нами дальше, где они смогут проследить за судьбой Нейпперга, Бланш, Красавчика Сержанта, Марселя, маленького Анрио и познакомиться с полными приключений эпизодами на пути к славе прачки Екатерины, ставшей маркитанткой в тринадцатом легкопехотном полку, затем – женой маршала Лefевра, наконец, герцогиней Данцингской; но все время она оставалась такой же симпатичной и смешливой, такой же мужественной и добродушной, героической и милосердной, сохраняя парижское прозвище мадам Сан-Жен.

Путь к славе

I

– Э, полно, они не остановятся здесь... Как почтальон прищелкнул бичом, когда проезжал мимо «Экю»! Точно хотел подразнить нас.

– Да, в эти дни не так-то много проезжающих.

– Да их совсем не видать теперь.

– Они, наверное, остановятся в «Лион-д'Ор». Или в «Шеваль-Блан».

Двойной вздох последовал за этим обменом мыслей между пузатым хозяином гостиницы «Экю» и его тощей супругой на пороге главной гостиницы Даммартена.

Путешественники в почтовой карете стали показываться очень редко после приключений, последовавших за 20 июня 1792 года.

Карета, промелькнувшая мимо полных отчаяния содержателей «Экю», отбыла из Парижа накануне вечером. Очевидно, это был последний экипаж, которому удалось пробраться через заставу, так как вечером того дня, когда была начата атака Тюильри, был отдан приказ, запрещающий кому бы то ни было выезжать из Парижа.

Осведомленный через друзей о том, что произошло в сек-

циях, и о готовящемся движении, барон Левендаль отложил свою свадьбу с дочерью маркиза де Лавелин и на скорую руку собрался в дорогу. Будучи генеральным откупщиком, он боялся в будущем контроля со стороны истинных уполномоченных нации; у барона Левендаля было тонкое чутье.

Таким образом, в канун десятого августа он в сопровождении своего слуги Леонарда сел в почтовую карету, увозя с собой столько денег, сколько мог собрать, и приказал почтальону гнать во весь дух.

Путешествие барона было похоже на бегство. Но в Крепи, несмотря ни на что, пришлось сделать остановку, так как лошади не могли больше двигаться.

Утро сменило ночь, и ясный день разогнал облака, заставив поредеть туманы. Последние звезды померкли на бледном своде неба, тогда как со стороны Суассона занималась заря.

Барон Левендаль направлялся к своему замку, выстроенному около села Жемап, на бельгийской границе. Родом из Бельгии, хотя и натурализовавшийся во Франции, барон думал, что будет чувствовать себя в своем замке в большей безопасности. Революция не пойдет отыскивать его на бельгийскую территорию; к тому же армия принца Брауншвейгского была сосредоточена около границы; она не замедлит проучить санкюлотов и восстановить короля во всех его прерогативах. Он пока отдохнет и подготовится к свадьбе с очаровательной дочерью маркиза Лавелин. Просто предсвадебное

путешествие, и только!

Барон назначил празднование свадьбы на шестое ноября, так как сначала хотел урегулировать большое дело в Вердене, где он держал на откупе табачный акциз. Он решил если не выехать, так ускользнуть из Парижа, если его будут преследовать. У него были дивные лошади, так что стоило ему только выбраться из города, а там уж его не настигнуть ни в коем случае.

Левендаль проснулся только тогда, когда его и санкюлотов разделяло достаточное количество добрых миль. Высунав нос в окошко, он вдохнул утренний воздух, и так как карета уже проехала первые дома Крепи, то, чувствуя себя в безопасности, он приказал почтальону остановиться.

Последний с радостью повиновался. Он был крайне недоволен, что приходится так гнать, не останавливаясь нигде, чтобы сделать добрый глоток вина, и не порассказав любопытным провинциалам о парижских делах. А порассказать было что: не каждый день можно было видеть, как Париж вооружается и готовится выгнать короля из дворца его предков. Это были новости, да! С каким жадным любопытством стали бы слушать его и спрашивать о том, что происходит в секциях!

Они остановились в «Почтовой гостинице».

В то время как хозяин и слуги торопились услужить барону, предлагая ему кровать, завтрак, перечисляя напитки, имеющиеся у них, и с нетерпением выискивая предлог заго-

ворить о парижских новостях, его слуга Леонард скрылся на момент под предлогом удостовериться, не бродит ли вокруг какой-нибудь чересчур любопытный гражданин.

Со времени неудавшегося бегства Людовика XVI в Варенне не только муниципалисты стали более недоверчивыми, но и масса частных лиц, завидуя славе гражданина Друэ, имевшего честь остановить Людовика XVI, стала добровольно шнырять повсюду, осматривая каждую подозрительную карету. Почтовые кареты были поручены особенной бдительности граждан.

К счастью для барона, местный патриотизм еще не пробудился в то время, когда его почтовая карета с грохотом въехала в славный городок Крепиан-Валуа.

В то время как путешественник сидел за аппетитной чашкой шоколада, принесенной дородной горничной, которую он похлопал по румяным щекам, так как был нестерпимым бабником, Леонард заперся на ключ в конюшне. Там, при свете фонаря, он принялся за чтение письма, которое получил от мадемуазель де Лавелин в момент отъезда.

Бланш очень просила его, присовокупляя к мольбам пару двойных луидоров, передать это послание, страшно важное, не ранее того, как барон выедет из Парижа.

Леонард, нюхом угадывая здесь какую-то тайну, знакомство с которой могло оказаться для него очень выгодным, решил первым ознакомиться с содержанием этого важного письма. Ведь секреты господ часто являются богатством

слуг. Он уже заметил, насколько для мадемуазель Бланш неприятно это супружество, которого так страстно желал барон. Как знать, может быть, в этом письме она делала ему какие-либо признания, из которых можно будет извлечь свою выгоду?

Леонард смело, но приняв известные предосторожности, чтобы можно было потом придать письму прежний вид, взломал печать, пользуясь лезвием ножа, предварительно нагретым на огне фонаря, и принялся за чтение. Вдруг его лицо выразило глубочайшее изумление, когда он увидал, какая важная тайна заключалась в письме. Вот что было написано в письме Бланш:

«Барон! Мне приходится сделать Вам очень неприятное признание, Которое необходимо для того, чтобы Вы не заблуждались более на мой счет, так как грядущие события все равно несут вам жестокое разочарование.

Вы признались мне в своей любви и получили от отца согласие на брак со мной, надеясь найти у меня свое счастье, быть может, любовь. Но в подобном союзе для Вас немыслимо никакое счастье: я не могу обещать Вам любовь, так как мое сердце принадлежит другому. Простите, если я не называю вам того, который захватил всю мою душу и на которого я смотрю как на мужа пред Богом!

Мне остается еще сделать Вам последнее признание: я мать, и только одна смерть может разлучить меня с мужем, отцом моего маленького Анрио.

Я последую за моим отцом в Жемап, так как такова его воля, но осмеливаюсь надеяться, что, осведомившись о том препятствии, которое возникает перед осуществлением Ваших проектов, вы сжалитесь надо мной и избавите меня от стыда открыть отцу настоящую причину, делающую этот союз невозможным.

Я вверяюсь Вашей чести и порядочности. Сожгите это письмо и верьте моей признательности и дружбе. Бланш».

Прочтя это, Леонард даже вскрикнул от удивления и радости.

– Черт возьми! Вот из чего можно составить целое состояние! – сказал он себе. Он вертел письмо Бланш в руках, словно желая немедленно выжать из него все то золото, которое в будущем оно принесет ему. – Я давно догадывался кое о чем, – продолжал он про себя с гримасой, которая должна была изображать улыбку. – Барон очень хотел жениться на барышне, а барышня решительно не желала моего барона. Но я не мог даже представить себе, что у мадемуазель Бланш де Лавелин имеется ребеночек, и еще менее – что она поведает барону об этом. Господи, до чего женщины глупы! Крошка Бланш даже не догадывается, какую глупость она сделала... О! Я говорю не о том, что, быть может, кажется глупостью ей самой: это-то еще ничего; одним ребенком больше или меньше – не все ли равно! Но глупость заключается в том, что она доверила бумаге такую тайну... Какое счастье, что письмо попало мне в руки!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.